НАТАЛЬЯ

АНДРЕЕВА

ОТЦЫ И ДЕТИ

АКТУАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Наталья Андреева

Отцы и дети

«АСТ»
2015

Андреева Н. В.

Отцы и дети / Н. В. Андреева — «АСТ», 2015

Евгений Базаров и Аркадий Кирсанов окончили медицинский институт. Впереди блестящие перспективы, надежды, планы. И надо бы отметить это знаменательное событие громкой пирушкой в ночном клубе! Но судьба именно здесь круто изменила их жизнь, завалив широкую дорогу в будущее рухнувшей стеной чужой жизни.Выкручивайтесь, студенты! Или бегите за помощью к отцам…Этот роман – дань уважения великому русскому классику.Возможно, именно такими были бы его герои в современном мире. А конфликт отцов и детей – тема вечная… она требует постоянного продолжения…

© Андреева Н. В., 2015
© АСТ, 2015

Содержание

Моим читателям 5
Переписка на сайте 6
I 7
II 14
III 19
IV 24
V 31
VI 36
VII 41
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Наталья Андреева
Отцы и дети

Человек все в состоянии понять – и как трепещет эфир, и что на солнце происходит, а как другой человек иначе сморкается, чем он сам сморкается, этого он понять не в состоянии.
И. С. Тургенев «Отцы и дети».

Моим читателям

Пожалуй, ни один мой роман не вызвал столько споров и не собрал столько восторженных и критических отзывов, как «Метель». В самом деле, зачем надо переписывать классику? И почему, спустя столько лет, я вновь обратилась к этой теме и написала роман «Отцы и дети»? Во-первых, я считала, что за мной должок. На презентации «Метели» один дотошный журналист, который явно осуждал меня за такое неуважительное отношение к классике, довольно ехидно спросил:

– А из «Отцов и детей» Тургенева тоже сможете сделать детектив?

На что я, не моргнув глазом, ответила:

– Легко!

И сделала-таки!

Другая причина – это вечная тема отцов и детей. У меня тоже есть взрослый сын, и, разговаривая с ним, я понимаю, какие же мы разные, и не только им у нас, но и нам у них есть, чему поучиться. Если в «Метели» моей задачей было просто «расписать» очаровательную историю любви, то роман «Отцы и дети» – это почти что новая история, и не только о любви, а о времени, в котором мы сейчас живем и в которое я перенесла знакомых всем героев.

Надеюсь, всем поклонникам моей «Метели» роман «Отцы и дети» тоже понравится, а что касается споров и критики… Однажды я уже это пережила и, как видите, не потеряла охоты к новым экспериментам. Лишь бы моим читателям было интересно и они не пожалели о потраченном времени.

Ваша Наталья Андреева

Переписка на сайте

Оксана С.

Наталья, здравствуйте! Пишем с учениками работу по литературе «ремейк» – в качестве примера хотим сравнить Вашу «Метель» с «Метелью» Пушкина. Будем благодарны за информацию об истории написания и замысле произведения.

24.01.2012

Наталья Андреева: Здравствуйте, Оксана! С большим удовольствием отвечаю на ваш вопрос. О том, что классика вечна и у Пушкина можно найти ответ на все, говорят постоянно, особенно в связи с приближающимися юбилеями. Мне же хотелось показать, в чем именно это заключается? И я переместила героев Пушкина в наше время, развила сюжет, добавила детективную интригу. Чтобы у тех, кто прочел «Повести Белкина» в школе, появилось желание их перечитать, а у тех, кто счел это скучным и просто «сдал», прочитать. «Метель» лично мне нравилась больше всего, и, пролетев эти несколько страниц, я все время сокрушалась: что ж так мало? Вот так и родилась идея сделать ремейк. Если будут еще вопросы, задавайте. Тема очень интересная.

Оксана С.

Наталья, большое спасибо за ответ и интерес к нашему исследованию, в ходе которого возникли новые вопросы. Пользуясь Вашим разрешением, прошу ответить на следующие вопросы:

1) Что было первостепенно при работе над «Метелью»: сюжет Пушкина, его стиль, пафос или что-то другое?

2) Каковы были особенности работы над романом, учитывая специфику жанра – ремейк?

3) Считаете ли Вы Вашу «Метель» ремейком?

25.01.2012

Наталья Андреева: Я искренне рада, Оксана, что предметом вашего исследования стала моя книга.

1. В работе над «Метелью» меня в первую очередь интересовал сюжет, его развитие. Копировать пушкинский стиль, я думаю, занятие неблагодарное. Это уже будет больше похоже на пародию, чем на ремейк.

2. Что касается особенностей работы, то одно могу сказать: писалось легко. Надо только было придумать обстоятельства, при которых герои нашего времени могли бы оказаться в метель в деревянной церкви, да еще и при скудном освещении. Так родилась история первой неудачной любви Маши, обман, в результате которого она оказалась ночью в степи и заплутала. То есть в отличие от первоисточника мои главные герои пришли к браку уже «с багажом». Это и должно, на мой взгляд, показать отличие девятнадцатого века от века нынешнего, свободу нравов, географию, если хотите. Свободу перемещения. Немыслимо ведь представить, что во времена Пушкина молодая женщина одна едет через всю страну. И что она сделала какую-то там карьеру, то есть стала независимой и самостоятельной.

3. А почему бы и нет? Хотя нам, писателям, трудно квалифицировать то, что мы делаем. Я писала просто книгу и, если честно, не думала, что именно она вызовет такой резонанс. Одни отчаянно ругают, другие отчаянно хвалят, некоторые вообще говорят, что это плагиат. Поэтому лучше сказать – ремейк. Я ведь название не меняла, эпиграф поставила. Прямой посыл к Пушкину: читайте.

I

– Да, как и везде, – пожал плечами Женька Базаров и воинственно подтянул сползшую резинку, стягивающую его длинные темно-русые волосы в хвост.

Аркадий больше всего опасался за эту резинку, черную, аптекарскую, какой провизоры перетягивали когда-то обернутое пергаментом горлышко пузырька с микстурой, приготовленной по рецепту врача старой, советской еще, закалки. И где, интересно, Женька ее раздобыл, эту резинку? Семейная реликвия, что ли? Годами хранилась, пока Базаров волосы не отрастил.

Все у них с Женькой было о'кей: лакшери-прикид, точило премиум-класса, наглость, свойственная завсегдатаям элитных ночных клубов, хотя Базаров их и не жаловал. Зато наглости и цинизма ему было не занимать. Иное дело Аркаша Кирсанов, мальчик из очень обеспеченной семьи, коренной москвич, яркий представитель «золотой молодежи». Ночные клубы были неотъемлемой частью его жизни.

По случаю окончания медицинского института и получения вожделенных дипломов, за которые они бились шесть лет, Аркаше удалось-таки затащить лучшего друга в клуб, причем в один из самых престижных. Аркаша надеялся произвести на Женьку впечатление. В чем-то же Кирсанов должен быть первым! Хотя бы по части развлечений. По тому, как Базаров потрогал резинку, словно бы проверяя ее на прочность, Аркаша понял, что лучший друг все-таки нервничает.

– Ну что, выпьем? – бодро предложил Аркаша.

Слава богу, в клуб их все-таки пустили, несмотря на эту чертову резинку, фейсконтроль на входе был жестким. Но машина Кирсанова произвела впечатление: дабы ознаменовать окончание балбесом Аркашей медицинского вуза, дядя отдал ему свой «Инфинити»-трехлетку, а сам купил новенький «Ленд-Крузер». Подъехали они с шиком, одеть Женьку подобающим образом Аркаше тоже удалось. За исключением резинки. Ну почему, черт возьми, не подстричься? Длинные волосы давно уже не в моде. Но Женька упрям, как осел. Да и волосы у него, надо признаться, хороши, густые, на концах чуть вьющиеся. Без них его худое лицо с зеленоватыми глазами и заостренным книзу носом выглядело бы совсем уж простенько.

Сам Аркаша считался красавчиком. «Вот такие и рождаются из пены гламура», – пошутили как-то про него на курсе, и прижилось. «Пена гламура» представляла собой отличную квартиру в сталинке на Соколе, дедушку-генерала, к сожалению покойного, и дядю – подполковника ФСБ, правда, уже в отставке. Но Павел Петрович Кирсанов без проблем устроился консультантом в частный банк, вошел в правление, вместе со своими обширными связями и огромным опытом работы, и, в конце концов, практически подмял всех под себя. Мужчина он был волевой, решительный, а главное, всех на Москве знал, и его все знали, как человека дела, слова и чести. Детей у Павла Петровича не было, зато имелся любимый племянник, продолжатель славного рода Кирсановых. Аркадий, таким образом, получал при помощи влиятельного дяди все, что хотел.

Да, имелся еще и папа-писатель. Как, морщась, говорили Кирсановы, в семье не без урода. Николай Петрович тоже должен был стать кадровым военным, но аккурат перед врачебной комиссией умудрился сломать себе ногу, да так, что на всю жизнь остался хроменьким. Поступил он в Университет, на филологический, защитил кандидатскую, начал было потихоньку подбираться к докторской, а потом вдруг вздумал совмещать преподавательскую и научную работу с графоманством, пописывать ставшие модными детективчики. Сюжеты ему подбрасывал старший брат, он же следил за тем, чтобы все было пристойно. Фамилию Кирсановых позорить негоже.

В общем, семья Аркадия не бедствовала в отличие от Женькиной. Базаров был на пять лет старше, родился и учился в провинции, в медицинский поступал сам, без протекции и взя-

ток, поскольку ни денег, ни связей у его родителей не было. Поэтому Женька прошел весь путь, от начала до конца. Сначала медколледж, потом работа санитаром, армия, вновь работа, теперь уже фельдшером на «Скорой», и, наконец, долгожданное зачисление в знаменитый Первый мед. Базаров всегда хотел самого лучшего и упрямо добивался этого. Аркаше, которого «поступили», было немного стыдно, что его собственная жизнь складывалась так гладко. Поэтому он слегка заискивал перед Женькой Базаровым и все расходы старался брать на себя.

Сегодня они решили оторваться.

– Текилы! – потребовал Аркадий у официанта, едва они уселись за столик.

– А что? Давай! – поддержал друга Женька. – Хотя лично я предпочитаю чистый медицинский. Но здесь его, кажись, не наливают. Или наливают? – Он оглянулся по сторонам. – Любой каприз за ваши деньги, так я понимаю?

– Скажешь тоже! Пить спирт в ночном клубе! Мы же тут на отдыхе, а не на работе!

– И пожрать что-нибудь закажи, – небрежно сказал Женька. – Побольше, не стесняйся. Мы с тобой сегодня не обедали.

Аркадий согласно кивнул. Пока несли заказ, Базаров присматривался к публике, примерял на себя этот самый московский гламур. И понял: надо выпить. А то пресловутый гламур для господина Базарова мелковат. Чтобы снизойти до всех этих бездельников и дышать одним с ними воздухом, надо надраться.

– За диплом! – первым поднял он наполненную до краев рюмку.

– За диплом! – поддержал его Аркадий.

– Эх, если бы ты знал, чего мне это стоило! – сказал Женька, махнув рюмку текилы и тут же, не закусывая, вторую. – Я шел к этому десять лет! Ты только подумай! Десять лет! И вот оно, свершилось! – Он счастливо рассмеялся.

– Зато теперь тебя сам Покровский берет к себе в интернатуру. А он хирург от бога. Ты – единственный, кого он взял.

– Вот отдохну месяцок, законный свой отпуск, заслуженный, маманю с папаней навещу, – и вперед! Пахать, пахать и пахать. Вот увидишь, я стану хирургом не хуже Покровского!

– Кто бы сомневался? Ну а я к наукам не способный. Пойду в педиатры. С детьми както проще. У них все еще такое маленькое… – Аркадий сразу захмелел. Попахать, чтобы получить диплом, пришлось изрядно. Деньги деньгами, но берут далеко не все. Хоть на троечку, да вызубрить надо. Осечки дядя Паша не простил бы. Столько денег вложено!

Женька же, выпив, набросился на горячее. Он вообще любил поесть, говорил в шутку, что в детстве его плохо кормили.

– Это вы, москвичи, зажравшиеся, – и он добродушно хлопал Аркашу по плечу. – А у нас и яблоки за счастье.

– Чего ты врешь! Нормально провинция живет!

– А ты съезди да посмотри.

Базаров и впрямь был худым, что при его высоком росте особенно бросалось в глаза. Поджарый, постоянно нацеленный на бросок, язвительный и безжалостный. А кто, разозлившись, отвечал кулаками, натыкался на глухую защиту, пока не образумится. Женька не очень-то любил пускать в ход руки, считая, что это удел низших существ, но о том, что он КМС по боксу все очень быстро узнали. Пара стычек – и вопрос был закрыт. Отныне связываться с Базаровым мало кто решался. Поэтому Аркадий такой дружбой гордился, хотя втайне подозревал, что Женька его использует. Вот и сейчас они жили в сталинке у Кирсановых, Женька не очень-то спешил увидеться с родителями. Отец же Аркадия почти безвылазно находился на даче, с тех самых пор, как его сожительница родила ребенка. Кирсанов-младший чувствовал себя неловко, они с Фенечкой были ровесниками. И вот нате вам! Братец! Младенец! И что с

ним прикажете делать? Аркадий Кирсанов хоть и собирался стать педиатром, но к маленьким детям относился с опаской.

Поев, Женька хищным взглядом нацелился на танцпол. Понятно: девочку хочет снять. А выбрать есть из кого. Ничего себе даже есть девочки, и все доступные, за тем и пришли: оторваться, познакомиться, приятно провести вечер, а потом и ночь. Пресыщенный же клубами Аркаша, который уже успел изучить контингент, почувствовал, что от текилы размяк и спать хочет больше, чем танцевать. Последняя сессия далась ему неимоверно тяжело. Если бы не Женька, не видать бы Аркаше диплома. Кирсанов не выдержал и зевнул.

– Пойдем, умоешься, – потянул его за рукав Женька.

Кирсанов не стал сопротивляться. Надо бы и в самом деле освежиться.

– Как дела, мужики? – встретил их у туалета вертлявый парень с бегающими глазами. Мочки его ушей были сплошь истыканы сережками, кудрявые мелированные волосы смотрелись так, будто на голову парню опрокинули миску вермишели и она стекла по впалым щекам до самой шеи.

– Нормально, – процедил Базаров.

– Взбодриться не желаем? – подмигнула им «вермишель».

– А что у тебя? – подался вперед Аркадий.

– А ну-ка, сдай назад. – Женька, как щенка, взял его за шкирку. – Отвали, мужик.

– Нет, я бы и в самом деле взбодрился! Амфитаминчики там…

– Есть, есть, – закивал вертлявый.

– Отвали, я сказал. – И Женька толкнул Кирсанова к двери в мужской туалет. – Умоешься и проснешься.

Какое-то время Аркадий, плеская в лицо холодной водой и отфыркиваясь, висел над раковиной. Вроде бы сонливость прошла. Выйдя из туалета, они опять столкнулись с торговцем наркотой. Он обрабатывал смазливую брюнетку с носиком-пупочкой, по виду студентку-первокурсницу. Базаров хмыкнул, но мешать сделке не стал. Девица стрельнула в них глазами, оценивая, и призывно улыбнулась. Но Базаров равнодушно прошел мимо.

– Ты чего? Зачетная телочка, – сказал ему в спину Аркадий. – На твердую четверку. Если бы не нос – поставил бы ей все пять.

– Она не одна, – не оборачиваясь, ответил Женька. – С подругой. А с ними парень. Я не хочу разбираться, кто с кем. Пусть сначала сами с собой разберутся, а то, по виду, у них там жарко.

– А может, у них любовь втроем? – рассмеялся Аркадий.

– Я вижу, ты так и не протрезвел. А жаль. Хотел предложить тебе выпить. – Женька сел и тут же потянулся к бутылке с текилой. – Но, видимо, придется одному.

– Я в порядке! – торопливо сказал Кирсанов. – Наливай!

Дальнейшее он помнил смутно, все было как в густом тумане. Они с Женькой пили текилу, потом дергались на танцполе, пока подружка «пупочки» не затеяла свару. Девица вот уже полчаса вела себя неадекватно, глаза у нее были шальные, руки заметно подрагивали. Она металась по танц-полу, словно выискивая жертву, пока не сцепилась с кем-то.

– Наверняка обдолбанная, – поморщился Женька и небрежно бросил Кирсанову: – Идем. Пора сваливать.

– Все еще только начинается! – попытался протестовать Аркадий. – До утра далеко!

– Мы оба устали. Отметили – и будет. – Женька зашарил по карманам, ища сигареты.

– С-с-сейчас… Я только в сортир забегу.

– Придется пойти с тобой. Станешь блевать – я тебе голову подержу, чтобы не захлебнулся рвотными массами. Я же теперь врач.

– Чтобы я блевал от текилы! Да никогда!

У туалетов их чуть не сшибла с ног «пупочка». Во взгляде у нее был страх, подбородок дрожал.

– Там… Там… там… С Ритой плохо!

– С какой Ритой? – тупо спросил Аркадий.

– С моей подругой! Она лежит на полу в туалете! Господи, что мне делать?!

– Девочка, а ты в курсе, что наркотики убивают? – прищурившись, спросил Базаров.

– Я не знаю, что с ней! Она какая-то странная! Помогите, прошу вас!

– Ладно, идем. Тебе повезло: мы с другом врачи.

– Женька, стой! – заорал Аркадий. – Мы ж бухие!

– Врач должен уметь оказывать первую медицинскую помощь в любом состоянии, – наставительно сказал Базаров и решительно шагнул в женский туалет. Аркадий видел, что друг тоже перебрал. Будучи пьяным, Женька особенно тщательно проговаривал слова и ходил так, словно аршин проглотил.

– Лучше вызвать «Скорую». Не надо ее трогать, – залепетал Кирсанов, но Женька не слушал.

Девица, очень бледная, в рваных над коленками джинсах и осыпанной стразами футболке, лежала в туалете, под раковиной. Спутанные длинные волосы почти полностью закрывали лицо. Блондинка находилась в сознании, но по ее состоянию было видно, что ей очень плохо.

– Пила? Ширялась? Что именно приняла, говори! – тряхнул ее Женька. Девица бессвязно что-то залепетала. Взгляд у нее был в никуда.

– Все понятно: передозировка наркотиками, – Женька нагнулся и осмотрел ее руки. – Чисто. Не кололась. Значит, пила таблетки. Надо сделать промывание желудка. Дуй за водой, – велел он Аркадию. – Без газа. И солонку принеси.

– З-зачем?

– Вода с солью – отличное средство. Промоем ей желудок, и будет как новенькая.

Аркадий, плохо соображая, что происходит, метнулся в зал, за водой и солью. Был самый разгар веселья, и в сутолоке на Кирсанова никто не обращал внимания. Только взволнованная подружка блондинки схватила его за руку и жадно спросила:

– Ну, как?

– С-сейчас все будет, – пьяно сказал Аркадий и пошел выполнять распоряжения Базарова.

Когда блондинка пила третий стакан, она вдруг начала захлебываться, глаза закатились, и вместо того, чтобы нагнуться над унитазом и очистить желудок, девушка внезапно захрипела и потеряла сознание.

– Что за черт? – пробормотал Женька. – А ну-ка, подержи ее!

Аркадий неловко перехватил блондинку за талию, и в этот момент сверкающая стразами футболка задралась. Аркадий от испуга икнул.

– Женька! Гляди! У нее на животе следы от уколов!

– Б…! – Базаров враз протрезвел.

– Она диабетик! Инсулин колют в область живота, так он быстрее всасывается! Подкожные инъекции инсулина, вот что это такое! Это не наркотическая кома, а диабетическая! Женька! Ты ж ее убил!

– Спокойно, спокойно… – пробормотал Базаров, пытаясь привести девицу в чувство.

– При диабетической коме ни в коем случае нельзя давать больному пить! Потому что вся жидкость мигом оказывается в легких! Господи! Она же умирает!!!

– Заткнись!

– Оставь ее! Бежим! Женька, бежим!

Блондинка и в самом деле умирала. Она была совсем еще юной, лет восемнадцати, не больше. Симпатичная, только очень уж бледная. А теперь мертвецки-белая.

Теперь уже Аркадий схватил Базарова за руку и потащил его прочь. У двери в женский туалет их встретила насмерть перепуганная «пупочка».

– Ну как? – вновь жадно спросила она.

– Вызывай охрану и «Скорую», – хмуро сказал Базаров. – Там, – он кивнул на дверь туалета, – почти уже труп.

– Господи! Господи, господи, господи… – как заведенная повторяла девушка. – Ее родители меня убьют! Ритка ко мне отпросилась ночевать. Я сказала, что мы кино будем смотреть!

– *Кина* не будет, – мрачно сказал Женька. – Финита ля комедия.

– Тикать надо! – по-детски сказал Аркадий и потащил друга к выходу из клуба.

Опомнились они только в машине, когда Кирсанов дал по газам.

– Что же я наделал! – Женька в отчаянии схватился за голову.

– А я тебе говорил! Заладил: мы же врачи… Ни хрена мы еще не врачи! Мы дебилы, причем конченые! Ты хотя бы понимаешь, что нам срок светит?! По статье «врачебная ошибка», – Аркадий нервно рассмеялся. – Надо спросить у дяди: а есть такая статья? Я раньше не интересовался Уголовным кодексом.

– Но как я мог ошибиться? – пробормотал Базаров. – Неадекватное поведение, склонность к агрессии. И подружка ее возле этого вертлявого крутилась…

– Правильно. При наступающей диабетической коме те же симптомы. Неадекватное поведение и склонность к агрессии. Мы же как следует девчонку не осмотрели. Сразу кинулись желудок ей промывать.

– Диабет первой степени. Показана ТИТ, традиционная терапия, инъекции утром и вечером, короткий и длинный инсулин. Следы от уколов свежие. Но почему кома, Аркаша, если она совсем недавно сделала инъекцию инсулина?

– Не тупи. Повышенная физическая нагрузка. Видал, как она скакала по танцполу? Вот и не хватило дозы гормонов. Надо было кусок рафинада сунуть ей под язык. Хотя бы конфету. Но никак не воду, да еще в таком количестве!

– Сам знаю! – с досадой сказал Базаров.

– Я же тебе говорил: не лезь!

– Она все равно умирала!

– Так она бы умерла сама по себе, а так и нас за собой потянет. Не в могилу, в тюрьму, но чем оно лучше? У меня жизнь только начинается! – заистерил Аркадий.

– Ты-то здесь при чем?

– А кто принес воду? Ну и дураки же мы!

– Вот из-за таких, как ты, мы и в заднице, – неожиданно разозлился Базаров. – Моя хата с краю, насилуют – проходи мимо, убивают – уноси ноги. Человек умирает – отойди в сторонку и жди. А если бы это была твоя сестра?

– А из-за таких, как ты… – Аркадий нервно сглотнул. – Все-то тебе надо, везде ты лезешь. Рано или поздно это должно было случиться. И потом… Она тоже чья-то сестра. И дочь. А может, единственный ребенок в семье? Представляешь? Ты убил чью-то дочь! А если бы не полез…

– Заткнись! Самому тошно… И как я мог ошибиться?

– Мы просто были пьяные.

– За руль ты пьяным не боишься садиться. Знаешь, что в случае чего дядя тебя отмажет. А помощь оказать… Какой ты к черту врач?

– Может, хватит уже, Базаров? Надо подумать, что теперь делать. Там ведь повсюду видеокамеры.

– В туалете нет.

– Точно! Никто не видел, что мы с ней делали!

– Подруга видела, как мы зашли в туалет.

– Она сама не своя от страха. Себя будет выгораживать. Или просто смоется. Постой… С ними еще парень был, – напряженно сказал Аркадий.

– Хорошо, что ты хоть что-то помнишь! – с иронией сказал Базаров. – В общем, в сухом остатке, мы оба м…ки.

– Завтра утром свалим ко мне на дачу. Отсидимся. Я с дядей поговорю.

– Ага! Поговори. Он твой дядя, а не мой. С какой стати он будет мне помогать?

– Хотя бы совет даст. Если срок, то, может быть, условно?

– Ты соображаешь, что говоришь?! – взвился Женька. – Какой условный срок?! Кто меня возьмет в интернатуру с этим сроком?! Да еще за врачебную ошибку!

– Да, попали…

Какое-то время они растерянно молчали. Запал кончился, страх отрезвил. Ехать им было недолго, ночью пробок в Москве уже не было. Поднявшись в квартиру, Базаров хмуро сказал:

– Давай спать.

– Отцу звонить уже поздно. Завтра.

– Да… – рассеянно откликнулся Женька. – Завтра…

Он напряженно о чем-то думал. А, уходя к себе в комнату, раздраженно пробормотал:

– И как я мог ошибиться?..

Встали они поздно, и Аркадий сразу же принялся звонить отцу.

– Папа, привет! – преувеличенно бодро сказал он, когда отец ответил на звонок.

– Здравствуй, сынок. Как дела? Все в порядке?

– Да, абсолютно. Слушай, мы с Женькой хотели к тебе приехать.

– Приехать? Когда приехать? – заволновался Николай Петрович.

– Да прямо сейчас и выезжаем. Чего тянуть?

– Аркаша, господи, что случилось?!

– Да почему обязательно случилось? Просто соскучился. Вчера обмыли с Женькой диплом и поняли, что в Москве нам делать нечего. Жарища, духотища.

– Ты же вроде не собирался приезжать, – растерянно сказал Николай Петрович. – Сказал, что, может, за границу…

– А зачем мне заграница, если у меня дача в самом красивом месте РСФСР? – слегка подольстился к отцу Аркадий. – Помнится, ты сам так говорил. И я с тобой согласен. Озеро, сосны… Рыбку половлю.

– Ты?! Рыбку?!

– В общем, мы выезжаем, – Аркадий решил прекратить этот скользкий разговор. – Жди.

– Но…

– Да, кстати, дядя с вами? – как можно небрежнее спросил Аркадий.

– Тут он. Отдыхает.

– Вот и отлично. То есть, я хотел сказать, давно не виделись.

– Так надо ж теперь в райцентр, в магазин, – заволновался Николай Петрович.

– Не беспокойся, мы ко всему привычные. Все, до встречи.

Базаров стоял в дверях и внимательно прислушивался к разговору.

– Ну что? – напряженно спросил Женька, когда Аркадий положил мобильник на стол.

– Едем! Давай собирайся.

– А долго нам ехать?

– Километров шестьсот-семьсот.

– Ого! А чего это вас, *гламурятину* московскую, занесло в такую даль?

– Модное место. Дома там очень дорогие. А нам от деда это поместье досталось. Там на пяти сотках все ютятся, застроено под завязку, для туристов. А у нас аж двадцать соток и свой кусок берега. И никаких постояльцев.

– Да вы буржуи! – присвистнул Базаров.

– А то!

– Что ж, чем дальше от Москвы, тем для нас теперь лучше, – Женька невольно вздохнул.

– Авось рассосется, – поддержал его Аркадий.

После неожиданного звонка сына Николай Петрович отчего-то разнервничался.

– Кто звонил? – внимательно посмотрел на него старший брат.

Если располневший и заметно постаревший к своим сорока четырем годам Николай Петрович выглядел как дачник, то есть носил старые вылинявшие трико и растянутую футболку, то Павел Петрович мало чем отличался от столичного жителя. Чисто выбрит, одет в светлые, по случаю жары, брюки и светло-голубую рубашку из тонкого хлопка. Фигура у отставника была подтянутая, по утрам Павел Петрович по-прежнему делал гимнастику, а потом совершал пробежку в любую погоду. У него было удивительно молодое лицо с правильными чертами, красивые темные глаза и холеные руки с отполированными ногтями. На него заглядывались все дачницы, что уж говорить о местных жительницах! Для этих Павел Петрович Кирсанов был сродни марсианину. Хорош собой, богат и еще не стар. И почему-то один. Ни жены, ни детей. Завидный жених, жаль, что ни на кого не смотрит.

– Тут нужна такая… – и женщины тоскливо вздыхали.

Но «такая» все никак не находилась.

– Аркаша звонил. Сюда едет, – растерянно ответил брату Кирсанов.

– Случилось что?

– Ничего не случилось. Он с другом едет.

– Вот я и спрашиваю: что случилось? – несколько раздраженно спросил Павел Петрович.

– Он сказал: все в порядке.

– Он сказал! А мозги тебе, Коля, на что? Рассуди сам, ты же детективы пишешь. Двое парней, один из которых гламурный красавчик, другой пошляк и авантюрист, насколько я понял по твоим рассказам, вдруг решили наведаться в провинцию. Потому что, как ни крути, здесь – провинция. Девок знакомых у них здесь нет, твоя Фенечка не в счет, она кормящая мать. У нее на руках полугодовалый ребенок, не до романов. А для таких парней, как Аркаша и его наставник, смазливые девицы – это главное. Возраст такой. Когда твой сын в последний раз здесь был?

– Дай-ка припомнить… – наморщил лоб Николай Петрович.

– Не трудись, – насмешливо сказал ему брат. – Плевать ему на дачу, как и всей нынешней молодежи. На все эти грядки и клумбы. На природу и прочие прелести сельского быта. И вот он едет сюда. Прежде калачом не заманишь.

– И что ты думаешь по этому поводу?

– Приедут – поглядим, – пожал плечами Павел Петрович. – Очень мне хочется взглянуть на этого Базарова. Сдается мне, занятный он парень…

II

Дорога показалась Женьке чрезвычайно утомительной. Как только они выехали за границу Московской области, пейзаж резко сменился. Дорога стала хуже, местами вся в рытвинах и колдобинах, кафешки встречались все реже и реже, и выглядели они теперь не как дворцы, а почти как лачуги, зато поля были распаханы в отличие от подмосковных, застроенных дачами или попросту заросших сорняками, а местами и густым кустарником. Базаров все больше хмурился.

– Вот ты говоришь: нормально народ в провинции живет, – резко сказал вдруг он. – Погляди вокруг. Ну и где оно, это нормально?

– А что? Поля как поля, дома как дома.

– Ага. А люди как люди. Ты погляди, как они пялятся на твою тачку!

– По-твоему, я на «Ладу Калину» должен был пересесть, чтобы поехать к отцу? – разозлился Аркадий.

– Упаси боже! – насмешливо сказал Женька. – Где ты и где «Лада Калина»? Просто ты должен понять: это тоже Россия. И она вся такая. А Москва… Это оазис, который питают все эти речушки, то бишь провинциальные городки и деревеньки. Оазис пышно цветет, а вокруг все загибается.

– Да где ж загибается-то? Ты глянь – поля! Все распахано.

– Правильно, потому что жрать что-то надо.

– Слушай, чего ты разошелся? Хочешь поднимать провинцию – езжай и поднимай. Иди работать в районную больницу, а не в Склиф, живи с родителями, а не… – Аркадий осекся.

– Ну-ну, договаривай. А не со мной. Я понимаю: ты меня из милости приютил, – насмешливо сказал Женька. – Не беспокойся, вернемся в Москву – я съеду. На съемную.

– Брось, – пробормотал Аркадий. – Комнат в квартире хватает. Ты меня нисколько не напрягаешь. Наоборот. Просто ты тоже должен понять: родителей не выбирают. Ну, повезло мне с предками. Хотя, если ты помнишь, мама умерла, когда мне было десять лет, – тихо сказал он.

– Ладно, извини. – Женька какое-то время молчал.

– Есть хочешь? – покосился на него Аркадий.

– Аппетита что-то нет. Перебрали вчера.

– Приедем – пивка выпьем.

– Это дело, – лениво сказал Женька.

Когда до Марьино оставалось километров пятьдесят, зазвонил мобильник Кирсанова.

– Отец, – сказал он, глянув на дисплей. – Да, папа.

– Вы где? – взволнованно спросил тот.

– В пятидесяти километрах.

– А я в райцентре. Ты помнишь магазин, где разливное пиво продают и рыбу? Ты его еще хвалил.

– Пиво? Да, ничего.

– Так вот: я вас там жду.

– Да зачем это?

– Сам скажешь, что купить. Феня переживает. Не знает, чем вас поить-кормить.

– Да я же тебе сказал, что нам все равно!

– Ты ее тоже пойми. Она в Москве ни разу не была…

– Где ж он ее откопал? – насмешливо спросил Базаров. Аркадий сделал ему знак: тихо, отец все слышит. Женька криво усмехнулся.

– Феня думает, что москвичи едят только фуа-гра и устриц. А борщ и кашу за еду не считают. Вот и послала меня вас встретить. Пусть, говорит, сами купят то, что будут есть.

– Ну, хорошо, – сдался Аркадий. – Встретимся в магазине.

– Жду! – обрадовался Николай Петрович.

– Ну и все-таки где твой папаша откопал эту Феню? Жуть как интересно, – спросил Женька, когда Аркадий засунул айфон обратно в карман.

– В трактире.

– Где-где?

– Он как-то заехал в кафе пообедать. Обычное кафе, на трассе. Феня работала там официанткой. А ее мама поварихой. Отец любит вкусно поесть. Ну и расчувствовался: борщ знатный, куриные котлетки, что называется, во рту тают. А не хотите, говорит, дамы, у меня подработать? Мне нужна помощница по хозяйству. А лучше две, поскольку хозяйство большое. Они к нему сначала на автобусе ездили.

– А потом официантка забеременела, – насмешливо сказал Женька. – От автобуса, наверное.

– Что ты все опошляешь? – поморщился Аркадий. – Она действительно любит моего папу.

– Ладно, поглядим. Так они теперь обе у него живут? – небрежно спросил Базаров. – Хочется понять, какая меня ждет компания.

– Нет, Фенина мама в прошлом году умерла от рака.

– Ага! Значит, твой отец утешал девчонку. И хорошо, черт возьми, утешал, если она так быстро забеременела. Все, молчу.

– Вот и молчи. Да, мой отец человек со странностями, неисправимый романтик, художественная натура. Не вздумай с ним сцепиться.

– Я слабых не бью, – лениво сказал Женька. – Охота мне связываться со стариком?

– Там будет кому дать тебе по соплям, – улыбнулся вдруг Аркадий. – Хочешь пари? Мой дядя тебе не по зубам. Спорю на ящик пива.

– Сначала хотелось бы увидеть объект. Отныне я в авантюры не ввязываюсь.

– Ай, молодец!

Они опять замолчали.

В это время Николай Петрович Кирсанов нервно прохаживался у бревенчатой избы, над окнами которой, обращенными к дороге, был растянут красочный плакат «Лучшее пиво в розлив». Для достоверности местный художник изобразил на вывеске огромную рыбину, смахивающую на леща, и внушительных размеров кружку, предположительно с пивом. Сей объемистый сосуд украшала пышная шапка пены. Магазинчик был весьма популярен, возле него стояло много машин.

Разговор с братом взволновал Кирсанова. Сына он не ждал. Провинцию Аркаша не жаловал, и вообще между отцом и сыном в последнее время возникло отчуждение. Очень уж они были разные. Как-то незаметно сын вырос, стал мужчиной, теперь вот и университет окончил. Николай Петрович не знал, как теперь с ним разговаривать? О чем? Эта молодежь, она теперь такая… Продвинутая, в общем. Кирсанов же до сих пор с опаской подходил к компьютеру, а смартфоном пользоваться так и не научился. Телефон у него был кнопочный, о чем Аркадий говорил с насмешкой. В общем, живя почти безвылазно в провинции, Николай Петрович сильно отстал от жизни, да еще Фенечка… Вся такая несовременная, по провинциальному застенчивая. Кирсанов прекрасно понимал, что не будь она так провинциальна, шансов у него не было бы никаких. Потому что Фенечка была двадцатитрехлетней красавицей. А он… Немолодой, да еще хромой, не слишком удачливый писатель, или, как говорит старший брат Павел, писателишка.

Вот Павел – дело другое. Если бы он захотел, у него бы этих Фенечек было вагон и маленькая тележка. Но не хочет. И Фенечку не хочет. Николай Петрович не раз замечал, как она смотрит на брата. Словно маленький ребенок на фотографию Кремлевской елки. Восторженно, приоткрыв рот. Но зная брата, Николай Петрович был абсолютно спокоен. Павел – человек чести.

– Отец! – Кирсанов невольно вздрогнул. Он и забыл, что у Аркадия новая машина.

Когда тот вылез из сверкающей на солнце темно-вишневой «Инфинити», небрежно поигрывая ключами, весь такой столичный, холеный, самоуверенный, Николай Петрович растерялся. Ему стало неловко за свой старый спортивный костюм, пивной животик и лысину. Небрежно обняв его, Аркадий обернулся к машине. Оттуда вылезал худой высокий парень с волосами, стянутыми резинкой в хвост.

– Это Женя Базаров. Да ты в курсе.

– Никогда раньше не виделись, но наслышан, – еще больше застеснялся Кирсанов-старший. Базаров, видя его смущение, первым протянул руку, которую Николай Петрович робко пожал.

– Ну и занесло же вас в такую дыру! – сказал Базаров, покачав головой. – Полдня уже едем! Ну? Где ваше хваленое пиво? Показывайте! – И он решительно зашагал к избе.

– Все нормально, – хлопнул отца по плечу Аркадий и поспешил вслед за другом.

Затарились они основательно. Продавщица сбилась с ног, наливая в двухлитровые пластиковые бутылки пиво, в то время как другая торопливо взвешивала вяленых лещей, сушеных кальмаров и такую дорогущую для местных экзотику, как омуль и подвяленный краб. Николай Петрович стоял у прилавка в смущении, совершенно забыв, что все это куплено на его деньги. Себе он оставлял очень мало, Фенечка оказалась рачительной и экономной хозяйкой. Жила, как при матери, на наряды почти не тратилась, еду готовила самую простую, но вкусно. Деньги Аркадию она велела отдавать сама, испытывая неловкость за то, что живет с его отцом, да еще так называемым гражданским браком. Фенечка была очень стыдливая и какая-то болезненно порядочная. Так что всем остальным становилось неловко.

Загрузив сумки в багажник, Аркадий весело сказал:

– Ну, отец, езжай впереди, показывай дорогу! А то я тут все уже позабыл.

– Дорога-то не очень, сынок, – вздохнул Николай Петрович. – Машина у тебя уж больно хорошая.

– Машина – это расходный материал, – небрежно сказал Аркадий и полез за руль.

Николай Петрович ехал медленно, то и дело, поглядывая в зеркало заднего вида: как там сынок? Он видел, что парни о чем-то оживленно беседуют и смеются. От сердца отлегло. Может, Паша и не прав? Ничего не случилось, просто молодые люди решили отдохнуть на природе. Место модное, туристов полно, хотя, конечно, не заграница.

Подъезжая к Марьино, Кирсанов приободрился. Сейчас Аркадий увидит плоды его стараний. Увидит и оценит. Их участок самый большой, а дом самый лучший. Его еще называют «барским». Настоящие хоромы! И даже собственный пляж, узкая полоса песка, мостки, лодка с мотором. А на пригорке – банька, с сауной, с печкой-каменкой, с просторной террасой, на которой, попарившись, можно попить пивка, глядя на живописное озеро. Другие с такой усадьбы большие деньги за лето имеют, а Кирсановы держат все это только для себя. В поселке их называют буржуями.

Остановившись у кованых ворот, Николай Петрович поспешно кинулся их отпирать. Аркадий лихо въехал на участок и поставил свою «Инфинити» рядом с огромным черным «крузаком». «Опелек» Николая Петровича притулился рядом с двумя сверкающими глыбами. Фенечка машину не водила.

– Ну и где? – спросил Аркадий, выйдя из машины. – Почему никто нас не встречает?

– Феня стесняется. Она выйдет, но потом, – смущенно сказал Николай Петрович.

– А дядя? Его что, нет дома?

– Он, должно быть, на берегу.

– Загорает, что ли?

Погода и в самом деле была чудесная. Лето созрело, словно румяный плод, и еще не начало увядать. Сочное, ароматное, оно радовало глаз и на вкус было самое то: еще не приелось, но кислинка, свойственная первой стадии созревания, уже прошла. Запах цветущего сада вызывал блаженство и сытость. На центральной клумбе пышно цвели королевы-розы, дикий клематис белоснежным облаком висел над зеленым газоном, словно парус над волнами, беседку оплетал девичий виноград, делая ее такой уютной и манящей. Аркадий первым делом обратил внимание на эту беседку:

– Ого! Здорово! Тут, наверное, хорошо есть шашлыки и пить… г-м-м… чай.

– Это Фенечка посадила, – счастливо улыбнулся Николай Петрович. – Она любит цветы.

– И зелень у вас небось своя? – подмигнул Аркадий. – Петрушечка, укропчик.

– А как же! – оживился Николай Петрович. – И зелень, и огурчики скоро пойдут, а там и помидоры…

– Дядя!

От пристани, легко, словно бы играючи, поднимаясь в гору, к ним шел невысокого роста, но удивительно стройный и красивый мужчина. Павел Петрович Кирсанов. Первым делом он цепким взглядом окинул Базарова, но руки ему не протянул. Тот сделал вид, что не заметил.

– Вот, знакомьтесь, – несколько смущенно сказал Аркадий. Теперь уже он испытывал неловкость. – Евгений, это Павел Петрович, мой дядя,

– Я так и понял, – натянуто сказал Женька. – Ну а я Базаров.

– Наслышан, – коротко, по-военному сказал отставной офицер. – Ну что? Пройдемте в дом? Феня нам что-нибудь по-быстрому сообразит? Выпить там, закусить.

– Я ей звонил с дороги, – торопливо сказал Николай Петрович. – Все готово!

Мужчины прошли в дом. Он и в самом деле был очень большим, кирпичным, двухэтажным, да еще с деревянной мансардой. Украшенная шпилем с российским флагом черепичная зеленая крыша гордо возвышалась над всем поселком. Мебель в гостиной была новая, не шикарная, но добротная. И как положено в лучших домах – камин.

– Мы вам приготовили комнаты на втором этаже, – сказал новым гостям Николай Петрович. – Что касается Фени, она переехала в мансарду…

– Да зачем же? – удивился Аркадий. – Она нас не стеснит.

– Ребенку там будет прохладнее. Жара начинается. В общем, она так захотела.

– А где она сама?

– Малыша укладывает.

– Она одна со всем этим хозяйством справляется? – удивился Аркадий. – Да еще маленький ребенок!

– Нас тут и так буржуями называют, но Паша сказал: наплевать, делай как тебе удобно. В общем, мы наняли прислугу… – Николай Петрович смущенно кашлянул. – Помощница по хозяйству, да еще сезонные рабочие. Все – местные жители. Они охотно к нам идут. Особенно зимой, когда туристы и дачники разъезжаются.

– Понимаю, – кивнул Аркадий. – Инет-то хоть есть в этой глуши?

– Обижаешь, сынок. Не совсем уж мы темные.

– Ну а ты? Часто пользуешься благами цивилизации? Или по старинке письма пишешь и отдаешь почтальону?

– Ты, Аркаша, меня совсем уж в отсталые записал, – обиделся Николай Петрович. – Я знаю, что такое этот ваш вай-фай.

– А блютуз? – насмешливо спросил Аркадий. – Ладно, не обижайся. Ты еще ничего в свои сорок пять. Продвинутый. Знаешь, что такое вай-фай!

Он заметил, что дядя и Базаров внимательно друг друга разглядывают. И между ними сразу возникло напряжение.

– Идем, что ли, Женька, смотреть наши комнаты? – бодро сказал Аркадий, чтобы снять это напряжение.

– Идем, – лениво откликнулся Базаров.

– Ну что? – накинулся на брата Николай Петрович, когда парни ушли наверх. – Что скажешь? Как он тебе?

– Он хищник. А твой Аркаша, извини, баран.

– Скажешь тоже! – обиделся Николай Петрович.

– Ну не баран. Олень. Красавчик – признаю. Добыча, в общем. Хорошо, что я здесь. А то этот Базаров вас сожрет. По глазам вижу: голодный. Мальчик из провинции, да?

– Здесь-то тоже провинция. Я практически никуда не вылезаю из своей усадьбы.

– Да, но родился-то ты в Москве. И у тебя с детства все было. А у него ничего. И это твое все ему не дает покоя. Он считает, что судьба несправедлива. Не только к нему, а вообще. И свой лакомый кусок можно только зубами выгрызть. Ты глянь, какой он цепкий. Аркашу-то под себя подмял, прожевал и не подавился. В общем, Коля, берегись.

– Да ну тебя, – поежился Николай Петрович. – Лично я ничего такого не вижу.

Павел Петрович на это усмехнулся и пошел к себе в комнату, сменить рубашку. За стол он всегда садился при параде. Его комната единственная была на первом этаже. Павел Петрович вставал очень рано и говорил, что не хочет никого беспокоить. Тем более не хочет, чтобы беспокоили его.

– Ну и как тебе дядя? – спросил Аркадий, когда Женька, закинув к себе вещи, пришел посмотреть и комнату друга.

– Лев! Царь зверей, – насмешливо сказал Базаров. – Представляю, сколько баб по нему сохнет!

– Завидуешь, что ли?

– Я хоть и не лев, но на отсутствие женского внимания не жалуюсь. Скажи на милость, чего он так вырядился в деревне-то, твой дядя?

– Он так привык. Даже если дядя останется последним человеком на земле, он все равно каждое утро будет бриться. А потом пойдет на пробежку.

– Чтобы жить долго и счастливо в гордом одиночестве, – насмешливо сказал Женька. – По-моему, я ему не понравился.

– Ему мало кто нравится.

– Это видно. Типичный сноб.

– Зря ты о нем так. Когда-нибудь я расскажу тебе его историю. Она очень интересная.

– Умираю от любопытства.

– Зря язвишь. Дядя – уникальный человек. И он тебе не по зубам.

– Это мы еще посмотрим, – пробормотал Женька. – Извини, но эти твои родственнички… Паноптикум. А дача твоя – дыра. Ни одной смазливой мордашки не заметил, пока по поселку ехали. Сплошная деревенщина, – презрительно добавил он. – Боюсь, мы здесь со скуки подохнем.

– Ты что, забыл, зачем мы сюда приехали?!

– Нет, не забыл, – нахмурился Женька. – Но со скуки подыхать не собираюсь. Надо бы подумать, как здесь развлечься?

III

Феня к ужину не вышла. Зато появилась пожилая женщина, которая торопливо накрыла на стол. Николай Петрович смущенно сказал, что это соседка, которая помогает молодой маме по хозяйству. Это, мол, очень удобно, всем экономит время. В агентстве людей нанимать – надо с проживанием или на дорогу тратиться. А чужие в доме нежелательны. Отсюда соседка, которой приработок не лишний. Но щи Фенечка варила сама. И соленые маслята тоже ее рук дело, с прошлой осени остались. Маслят все похвалили, щи ели с отменным аппетитом. Готовила Феня просто, но вкусно, как и ее покойная мать.

За ужином Базаров молчал, налегая на вяленых лещей и пиво. Павел Петрович неторопливо попивал красное вино и почти ничего не ел. И тоже помалкивал. Говорил в основном Николай Петрович, рассказывал о своей дачной жизни. Потом разговор зашел о политике. Видя, что его никто не прерывает, Николай Петрович не на шутку разошелся.

– …рыбы в озере почти уже не осталось! – возмущался он. – А какая раньше была рыбалка? Даже угря ловили. Угорь вяленый… ммм…

– Краб тоже ничего, – сказал Аркаша, жуя этого самого краба.

– Так это все китайское, – пренебрежительно отмахнулся Николай Петрович. – Своего-то ничего не осталось. Промышленность развалили, сельское хозяйство развалили. Куры импортные, говядина импортная.

– И что вы сделали для того, чтобы это остановить? – лениво спросил Базаров. – Я имею в виду развал промышленности и сельского хозяйства.

– Я сделал? – опешил Николай Петрович.

– Ну а кто? Интересная получается ситуация. Все видят поле, заросшее сорняками, все его ругают, ругают страну, в которой это поле находится, и проходят мимо. Вместо того чтобы молча взять лопату, взять одну сотую этого поля и привести ее в порядок. Картофелем там засадить или клумбу разбить. Сто человек мимо за день прошло? Прошло. Если бы каждый так поступил – вот вам возделанный кусок так ругаемой нами России. Так нет же! Все мимо проходят. Но зато разговоров! О чем бы мы говорили, если бы в стране не был такой бардак? А так – часами можем сидеть, ругать правительство. Под пивко, да под водочку. Закусывая импортной курятиной, – ехидно добавил он.

– П-позвольте, – заикаясь и краснея, сказал Николай Петрович. – Я свои двадцать соток России содержу в идеальном порядке!

– Ну, не в идеальном, – лениво усмехнулся Базаров. – Сад, который вы посадили, явно засыхает.

– Но здесь вообще было голое поле! – возмутился Николай Петрович. – Так что ваши претензии несправедливы!

– Ну, допустим, – все так же лениво сказал Базаров. – Вы большой молодец. Ну, так и кто вы для местных? Буржуй. Делают они так, как вы? Нет, не делают. Да еще и, зуб даю, вам норовят подгадить. Небось и яблоки тырят из сада, малину потихоньку обдирают. У нас уважают не тех, кто честно трудится, а тех, кто ворует. Чем больше наворовал – тем больше уважают. Особенность русского менталитета, – он зевнул.

– Женька, попробуй вот это пиво. – Аркадий, чувствуя, что становится жарко, поставил на стол новую двухлитровую бутыль. – Рекомендую.

– Спасибо. – Базаров неторопливо скрутил пробку.

– Ну а вы, Евгений, что сделали для процветания России? – спросил вдруг Павел Петрович. – Или только критикуете?

– Я собираюсь стать хирургом, – спокойно ответил Базаров.

– Спасать жизни людям, которых вы так презираете? – усмехнулся отставной офицер.

– Нет, двигать науку. А спасение жизней – это, так сказать, побочный эффект. Получится у меня спасти человеку жизнь во время моих исследований – хорошо. Не получится – тоже хорошо. На ошибках учатся. А ошибки у тех, кто занимается настоящим делом, неизбежны.

– И сколько народу вы собираетесь положить на этом пути в вечность? – вскинул брови Павел Петрович. – Ведь вы собираетесь записать свое имя в анналы истории?

– Мне это безразлично, – пожал плечами Базаров. – Я материалист. Там, по ту сторону жизни, ничего нет. Поэтому мне все равно, что будут говорить обо мне после моей смерти.

– Вот как? Ваша позиция мне понятна. Непонятно только, почему вы выбрали в друзья моего племянника. Ведь он бездельник.

– Паша! – взвился Николай Петрович.

– Он бездельник, – спокойно сказал старший брат. – Признаюсь, и я приложил к этому руку. Я даю ему деньги. Машину вот подарил. В престижный вуз устроил. Слава богу, получили мы диплом.

– И зачем вы это делаете? – с интересом спросил Базаров.

– А наследников я хочу. Как производитель, мой племянник вполне меня устраивает. Он хорош собой, здоров, любая девица почтет за счастье родить от него двух… а лучше трех красивых, здоровых малышей. И род Кирсановых не угаснет.

– У вас еще есть ребенок Фени, – усмехнулся Базаров.

– Что такое ребенок Фени, я не знаю, – резко сказал Павел Петрович. – Я его не хотел…

Раздался тихий женский крик. Все невольно обернулись. В дверях стояла Феня.

– Извините, – смущенно пробормотала она. – Малыш уснул, и я…

– Мы пьем вино и пиво, – поморщился Павел Петрович. – Как вы видите, компания сугубо мужская.

– Я пойду к себе, – вспыхнула молодая женщина и торопливо ушла.

– Зачем ты так, Паша? – укоризненно сказал Николай Петрович. – Я понимаю: мы здесь все от тебя зависим. Но так откровенно об этом говорить…

– А я нисколько не обиделся! – весело сказал Аркадий. – Да, я бездельник. Спасибо тебе, дядя, что даешь мне деньги. И за машину. Я не гордый. Дают – бери. Если вы помните, я никогда вас ни о чем не просил.

– Тебе и так все давали, – неприятно усмехнулся Павел Петрович. – Ладно, признаю: я был резок. Я тебя, Аркаша, люблю. Не знаю, хотел бы я такого сына или нет… Все ж таки ты не совсем Кирсанов. Но ты, по крайней мере, не лжешь, не пытаешься казаться лучше, чем ты есть, не ввязываешься больше ни в какие истории. – Он бросил внимательный взгляд на племянника. Аркадий невольно отвел глаза. – В общем, ты – Кирсанов. Надеюсь, таковым и останешься. На сем мы закончим нашу дискуссию. – Павел Петрович встал, тщательно вытер губы салфеткой и небрежно бросил ее на стол. – Пойду пройдусь перед сном. С собой никого не приглашаю, хочу побыть в одиночестве.

И он, по-военному чеканя шаг, вышел из гостиной.

– Что ж, – пожал плечами Базаров, – а я бы соснул. Я так думаю, что отцу и сыну надо побыть вдвоем? – Он встал. – Спокойной ночи.

– И вам, – с легкой запинкой сказал Николай Петрович. – Ты, Аркашенька, на Пашу не обижайся, – торопливо начал извиняться он, едва за Базаровым закрылась дверь. – Он такой, потому что личная жизнь у него не сложилась. Да ты знаешь. Ну и работа… Тоже накладывает отпечаток.

– Я же сказал, что не обиделся, – улыбнулся Аркадий. – А вот Феня обиделась. Ей, наверное, тоже хочется, чтобы у ее ребенка было все.

– Ей довольно того, что у нее есть, – замахал руками Николай Петрович.

– Знаешь, папа, чужая душа – потемки. Кто его знает, почему она согласилась… как бы это поделикатнее выразиться? Быть с тобой. Может, это и любовь, а может… Как ни крути, у тебя теперь два наследника. И у дяди, поскольку своих детей у него нет. А наследовать есть что.

– Что вы сегодня, сговорились?! Да за пять лет в этой гостиной не было сказано столько гадостей, сколько в один этот вечер! Я ведь переехал сюда после того, как ты окончил первый курс. И начал все здесь приводить в порядок. А меня критикуют за то, что де сад не так посадил! Да отец мой вообще сюда носа не казал! Получил участок, велел дом построить да пляж насыпать и забыл про это.

– Он же в Афгане был!

– Мать сюда тоже не ездила.

– Так у бабушки была ответственная работа!

– А я, значит, не оправдал надежд. Мой удел – жить в глуши и заниматься сельским хозяйством. Ну, еще графоманством. Никто здесь всерьез мои книги не воспринимает. Феня книг не читает, Паша только критикует, слова доброго не дождешься, Базаров твой вообще далек от искусства, а ты… Ты явно не гордишься тем, что твой отец писатель, – горько сказал Николай Петрович.

– Папа, перестань. Я, пожалуй, тоже спать пойду. Мы все устали, народу в доме слишком много. В общем, до завтра. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, сынок.

Когда Аркадий ушел, Николай Петрович, воровато оглянувшись на дверь, взял со стола графинчик беленькой, к которому из деликатности притронулся лишь два раза за весь вечер, и торопливо налил себе полную рюмку. Запив водку пивом, он почувствовал, что стало полегче, обида уходит. Да бог с ними со всеми. Ишь, умники! А промышленность все равно развалили…

…Базаров крепко спал, когда его разбудил вопль Аркадия:

– Женька, вставай!

– А? Что? – Базаров резко сел и протер глаза: – Который час?

– Одиннадцать.

– Утра?

– Нет, вечера!

– Шутишь, что ли?

– Сейчас одиннадцать часов вечера!

– Тогда какого черта? Я спать хочу! Убирайся!

– На! – Аркадий сунул ему под нос айфон. – Читай!

Базаров, зевая, уткнулся в сводку новостей.

«В семье депутата Госдумы Алексея Чернова случилось огромное несчастье. Сегодня ночью его единственная дочь Маргарита была найдена мертвой в элитном ночном клубе. Есть версия, что восемнадцатилетняя студентка умерла от передозировки наркотиками. Но ее друзья единодушно утверждают, что такого быть не могло. Маргарита с детства страдала от сахарного диабета, каждый день колола инсулин, наркотики и алкоголь не употребляла. Училась только на «отлично», колледж окончила в Швейцарии, но потом, из-за того, что политическая обстановка в мире изменилась, отец вернул ее в Москву. Маргарита поступила на журфак, мечтала получить специальность журналиста-международника. Училась и здесь только на «отлично», в подозрительной компании ни разу замечена не была. Депутат от комментариев отказался. Ведется расследование. Зная характер Алексея Чернова, его жесткость и непримиримость, можно не сомневаться, что он выяснит все обстоятельства смерти своей единственной дочери. Мы будем держать вас в курсе».

– Дочка депутата, значит. – Базаров закрыл айфон и отдал его Аркадию.

– Ты понимаешь, что теперь будет?!

– А какого черта восемнадцатилетняя диабетчица, такая вся хорошая и правильная, шляется по ночным клубам?!

– Ты же слышал: ее подружка привела. Может быть, впервые в жизни! Девочка решила наконец повзрослеть.

– Ну и дура, – хмуро сказал Базаров. – Теперь лежит в морге.

– Неужели тебе ее не жалко?!

– Какой толк жалеть мертвых? – пожал плечами Женька.

– Ее отец теперь землю будет рыть, чтобы выяснить, как она умерла! Нам с тобой крышка.

– Ладно, поглядим. Лягу-ка я спать.

– И ты после этого уснешь?!

– А что я, по-твоему, должен делать? По стенке бегать? – разозлился Женька. – Что сделано, то сделано. Остается только ждать.

– А, может, самим в полицию пойти? С чистосердечным признанием?

– После того, как мы удрали из клуба и приехали сюда?! Никуда я не пойду, – твердо сказал Женька. – И ты не пойдешь. Я не пущу. У меня второго шанса не будет. Я эту стену десять лет прошибал. А теперь в том месте, где я прорвался, хотят натянуть колючую проволоку, прямо перед моим носом. Ну нет.

– Ладно, как знаешь. В конце концов, я только воду принес. Промывать ей желудок была твоя инициатива.

– Э… Да ты, парень, трус… А чего я, собственно, ожидал? Дядя дал тебе сегодня точнейшую характеристику. Самец-производитель. Если тебя посадят, кто же будет за вас, Кирсановых, размножаться? – насмешливо сказал Женька. – А нас, Базаровых, на этой грешной земле не надо. А то, не дай бог, Россия Америку обгонит. По части науки и ВВП.

– Я ведь и обидеться могу, – хмуро сказал Аркадий.

– На дядю не обиделся, а на меня обидишься? Да ты не только трус, но еще и продажный трус. А не хочется тебе стать хоть немного лучше? А, Аркаша?

– Я сделаю вид, что ничего этого не слышал. Пойду водички попью. Увидимся завтра.

И он вышел из комнаты.

– Дурдом какой-то, – пробормотал Женька, накрывшись с головой одеялом и отворачиваясь к стенке.

«Спокойно, спокойно… – уговаривал себя Аркадий, спускаясь по лестнице на первый этаж. – Я ведь знал, что он такой. И все равно меня к нему тянет. Надо терпеть…»

– Не спится?

Он невольно вздрогнул. Внизу, в гостиной, сидел дядя. Перед ним на столе светился планшет.

– А ты почему здесь? – нервничая, спросил Аркадий. – Не у себя в комнате?

– А ты? – насмешливо спросил Павел Петрович.

– Вот, водички захотел попить, – пробормотал Аркадий.

– Водички? Или чего покрепче?

– Ну, там морс или компот.

– Ага. А я вот новости читаю. – Павел Петрович кивнул на планшет.

– А я думал, в «Одноклассниках» сидишь, – попытался пошутить Аркадий.

– Я не жалую Социальные сети.

– Оно понятно. С твоей-то профессией.

– Вот именно, – спокойно сказал Кирсанов.

«А вот взять да и рассказать ему все», – мелькнула мысль у Аркадия. – Пока Женька спит. Ну, поругает меня дядя. Зато отмажет. И за честность поощрит. А Женька… Женька определенно сядет. Дядя ему не спустит. И будет Базаров меня презирать. Он и так презирает,

но по-доброму. Снисходительно. Нет, нельзя», – Аркадию стало стыдно. Женька столько пахал, чтобы получить заветный диплом, у Базарова действительно талант. И вот так взять и этот талант сломать, словно сухой прутик о коленку. И выкинуть.

– О чем задумался, Аркаша? – ласково спросил Павел Петрович.

– Да так. О будущем, – туманно ответил он.

– Какую специальность выбрал?

– Хочу стать врачом-педиатром.

– Да, вырождаются Кирсановы, – насмешливо сказал дядя. – Я думал, хирургом, как твой друг.

– Я кровь не люблю, – поморщился Аркадий.

– По-крайней мере, честно. Что мне в тебе и нравится. Ладно, пойду принесу нам обоим компот. У Фени вкусный компот.

Павел Петрович встал и вышел на кухню. Аркадий подошел к столу. И тут у него в душе все оборвалось. Дядя читал новости. А точнее, ту же самую статью, что и они с Женькой. «В семье депутата Госдумы Алексея Чернова случилось огромное несчастье…»

«Как он узнал? – запаниковал Аркадий. – Неужели случайно подслушал наш с Женькой разговор?! Но дядя определенно *знает*».

Если Павел Петрович и знал, зачем молодые люди приехали в провинцию, то виду не подал. Принес кувшин с компотом, две чашки, налил обоим. Аркадий молча пил компот.

– Пойду к себе, – хрипло сказал он, поставив чашку.

– Ты не заболел? – заботливо спросил Павел Петрович.

– Нет. Все в порядке.

– Ах да! Ты же сам теперь врач! Сам диагноз поставишь, сам вылечишь. Ну что ж. В общем и целом, я доволен.

Аркадий долго еще не мог уснуть. У него в голове все смешалось: ночное происшествие, Женькины издевки, спор за столом, явное противостояние Базарова и дяди, статья в Инете… Аркадий понимал только, что ничем хорошим это не кончится. Слишком уж они разные: отцы и дети. У первых еще не пропала охота молодежь учить, а вторые давно уже не хотят ничему учиться. Тем более у поколения, выросшего при «совке», открывшего для себя Инет уже на старости лет, испытывающего страх перед всем новым. Какие такие ценности они могут передать? Октябрятскую звездочку и лозунг «от каждого по способностям – каждому по труду»? Ага! Сейчас! Прав Женька, сто раз прав. Уважают того, кто больше украл.

На этой мысли Аркадий и уснул.

IV

Когда он проснулся, ему показалось, что огромный дом как будто вымер.

«Куда все делись?» – удивился Аркадий и схватил со стола айфон. Еще так рано! Всего девять утра! Аркадий вскочил и торопливо натянул футболку и шорты.

– Женька! – закричал он, толкнувшись в комнату друга. Базарова там не было, кровать оказалась пуста. – Папа! – закричал Аркадий. – Дядя Паша!

Ответом ему было молчание. Вспомнив события вчерашнего вечера, Аркадий понесся вниз. А не разругались ли все, пока он спал?!

В гостиной Феня собирала со стола посуду. Шестимесячный ребенок сучил ножками на диване. Утро было солнечным, в открытые окна с раздернутыми занавесками лился яркий свет, и в этом свете Феня была так хороша, так свежа и румяна, что Аркадий невольно застеснялся. Красивая, здоровая молодая женщина, которая кормит ребенка грудью, а не подсовывает ему молочные смеси, боясь испортить формы, что может быть прекраснее? И хотя светские львицы, которые составляли круг общения Аркадия Кирсанова, презрительно назвали бы Феню деревенщиной, в ее простеньком ситцевом сарафанчике, с волосами, заплетенными в толстую косу, Аркадий разглядывал эту «деревенщину» с откровенным удовольствием и даже почувствовал приятное волнение.

«Когда я в последний раз был с женщиной?» – подумал он.

– Вам не дует? – испуганно спросила Феня. – Вот, решила проветрить, пока никого нет. Хотите, я окна закрою?

– Феня, почему же на «вы»? Мы с тобой ровесники.

Она мило покраснела.

– Я знаю, тебе неловко, что ты живешь с моим отцом. Он ведь намного старше. Но ничего такого особенного в этом нет. Так что обращайся ко мне, пожалуйста, на «ты» и не парься насчет того, что ты мне мачеха. Так ведь получается? – подмигнул Аркадий.

– Мы с Николаем Петровичем никогда не поженимся, – тихо сказала Феня. – Так что я вам… тебе никто.

«Если бы она была мне никто, я бы за ней приударил», – подумал Аркадий и преувеличенно бодро спросил:

– А где все?

– Павел Петрович на пробежке, Коля в саду, поливает яблони, а ваш друг отправился на озеро, – Феня сбивалась и опять называла его на «вы».

– Зачем?

– Купаться, я думаю, – пожала плечами Феня.

– Ну так и я пойду купаться!

В саду Аркадий увидел отца. Николай Петрович стоял у яблони, держа на весу толстый шланг, из которого лилась вода.

– А… встал… – сказал он, увидев сына. – А вот мы, деревенские, с шести утра на ногах. Трудимся не покладая рук. Хотя твой друг говорит, что мы бездельники.

– Это он не о тебе, он же ясно выразился.

– Лето нынче сухое, – пожаловался Николай Петрович. – Я даже и не припомню, чтобы была когда-нибудь такая сушь. Настоящая экологическая катастрофа. Так что нет моей вины в том, что яблони засыхают.

– Папа! Да что ты на этом зациклился!

– Так ведь вы молодежь, вам виднее. Поучите нас, стариков, как жить?

– Делать мне больше ничего! У тебя своя жизнь, а у меня своя. Я давно уже вырос, папа. Нравится тебе жить здесь – живи. Но давай не будем рассуждать на тему, где лучше, в городе

или в деревне и кто полезнее для общества? А? Папа? Я сегодня здесь, завтра на Ибице, через месяц еще бог знает где. Такая уж у меня жизнь. Я не думаю о том, что будет завтра, у меня нет никаких планов. Тем более глобальных жизненных планов, – с улыбкой сказал Аркадий.

– Ну а работать ты собираешься? – с опаской спросил Николай Петрович.

– Собираюсь. Сначала в интернатуру. Мне еще учиться и учиться. А учеба – это относительная свобода. Со студента какой спрос? Как и с интерна.

– Как-то это, Аркаша… безответственно, – пожевал губами Николай Петрович.

– Пойду гляну, как там Женька? – беспечно сказал Аркадий и, насвистывая, пошел к озеру.

Спускаясь с горы на засыпанный песком берег, он увидел в темной воде Женькину голову. Базаров заплыл далеко. Щурясь на солнце, Аркадий стал спускаться на пляж. Торопливо сбросив одежду на песок, он взбежал на мостки и лихо сиганул с них в воду.

– Уф! – выдохнул он, вынырнув. – Холоднющая! Да, это тебе не Мальдивы… Базаров! Ты псих! – заорал он.

Женька развернулся на голос и рванул к берегу. Аркадий поплыл ему навстречу. Выпендриваться было не перед кем, поэтому плыл он обычным брасом, хотя, чтобы покрасоваться перед девочками, мог метров тридцать проплыть роскошным баттерфляем. Бассейн входил в обязательную программу Аркашиного воспитания наравне с изостудией и репетиторами английского и французского. Но Аркадий был ленив, у него имелись так называемые «парадные» выходы, на публику, в домашней же обстановке он предпочитал не надрываться. Базаров, у которого ни один стиль плавания не был поставлен, проигрывал Аркадию на первых двадцати метрах, но потом легко обгонял за счет своей выносливости.

– Вода, говорю, ледяная! – отфыркиваясь, сказал Аркадий, когда поравнялся с другом.

– Так уж и ледяная! Нормальная. – И Женька размашисто поплыл к берегу. Аркадий, который давно привык к тому, что проигрывает, лениво погреб следом.

Тут он увидел, как к озеру спускается дядя. Павел Петрович был в одних спортивных трусах, мокрую от пота футболку он держал в руке. Аркаша не мог не восхититься дядиным торсом, мускулатура была небольшой, но удивительно функциональной, что называется, рабочей. Живот подтянут, плечи развернуты, кубики пресса не оставляли сомнений в том, что Павел Петрович в отличной форме. Аркадий увидел, как дядя неторопливо снимает кроссовки. Женька тоже это заметил и погреб быстрее. Павел Петрович разогнулся и внимательно за ним наблюдал.

Женька вылез из воды и по мосткам лихо сбежал на песчаный берег. Теперь они стояли рядом. Базаров был на голову выше, но из-за своей худобы заметно проигрывал Кирсанову. Павел Петрович был замечательно красив, а Женька еле-еле дотягивал до так называемого среднего уровня. Волосы его намокли, и узкое вытянутое лицо теперь особенно поражало своей диспропорцией: лоб слишком большой, губы очень уж тонкие, нос длиннее, чем надо бы.

Они с Кирсановым сдержанно друг другу кивнули, и Павел Петрович неторопливо ступил на мостки. Подождав, пока Аркадий выйдет из воды, отставной офицер стал на самый край и четко, ласточкой вошел в воду, почти без брызг. Вынырнув метрах в пяти, он поплыл вроде бы неторопливо, но в то же время так быстро, как может плавать только человек, который провел в бассейне долгие часы, тренируясь. Теперь уже Базаров стоял и смотрел на того, кто был в воде.

Аркадий, которому надоело это немое противостояние, хлопнул друга по плечу:

– Ну как?

– Я бы, пожалуй, бросил ему вызов. – Женька кивнул на голову в воде. – Хотя плавает он здорово, признаю. И не выпендривается, просто плывет. Одно слово: царь зверей. Мне уже интересно узнать, почему он один? Уверен: он и трахается так же классно.

– Женька!

– А что? – лениво спросил Базаров. – Я же его похвалил.

– Идем завтракать! Или ты уже поел?

– Поел. Но я бы не отказался еще разок позавтракать. Лишний вес мне не грозит. – Он похлопал себя по впалому животу.

– А вот мне грозит, – вздохнул Аркадий. – Потому что я ленивый.

– Самокритично. А ну, в гору, бегом! – с силой толкнул его в спину Женька.

– Нет! Никогда!

– Бегом, я сказал!

Как всегда, Аркадий подчинился. Он давно уже понял, почему дружит с Женькой. Базаров был тем мотором, который не давал Аркаше Кирсанову застояться, который сгонял его с насиженного места и не позволял мозгам и телу заплыть жиром. Своей силы воли и фантазии Аркадию явно не хватало. Он питался силой своего друга, давая взамен положительные эмоции, свойственные человеку с темпераментом сангвиника. Аркадий не умел долго злиться, копить в себе обиду, мстить, интриговать. И Женька это ценил, а вовсе не деньги, которые Аркаша ему ссужал, и не комфорт, в котором они жили благодаря Кирсанову. Это была нормальная, полноценная мужская дружба.

Чувствуя, как Женька наступает на пятки, Аркадий бежал быстро. Но наверху он ничком повалился на траву и простонал:

– Не могу больше… Вода холодная… Горка крутая…

– Эх ты, неженка! – хмыкнул Женька. – Бери пример с дяди. Железный Феликс. Честное слово, он начинает мне нравиться!

– Боюсь, что ты ему не нравишься все больше и больше. – Аркадий со вздохом поднялся. – Я как раз хотел с тобой об этом поговорить…

– Только давай после завтрака? Не хочу портить себе аппетит.

В саду они увидели Феню, которая гуляла с малышом.

– Какая хорошенькая! – восхищенно сказал Женька. – Прямо, ух! Кровь с молоком! Вот бы такую, а…

– Слушай, заткнись! Она все-таки моя мачеха!

– Мачеха! Ха!

Увидев их, Феня застеснялась. Но Базаров решительно направился к ней.

– Какой классный пацан! – похвалил он ребенка. – Как его зовут?

– Митя. Дмитрий, – еще больше засмущалась Феня.

В Женьке было что-то такое, что заставляло женщин краснеть. Он смотрел на них так, словно раздевал. Когда Аркадий ему об этом сказал, Базаров усмехнулся:

– Я же врач.

Вот и сейчас он беззастенчиво разглядывал Феню, особенно ее большую, налитую молоком грудь. Молодая женщина нервно одернула сарафан и, сняв с головы косынку, накинула ее на плечи, прикрыв молочно-белую шею.

– Ребенок капризничает. Он здоров? – строго спросил Женька.

– Зубки, должно быть режутся.

– Дай-ка я посмотрю, – и Базаров взял Митю на руки.

К удивлению Аркадия и Фени, ребенок тут же затих. Женька внимательно его осмотрел и вернул матери.

– Здоров, – коротко сказал он. – А зубы да, режутся. Лекарств никаких не давай, это химия. Если поднимется температура, можно обтереть слабым раствором уксуса.

– Спасибо, – благодарно сказала Феня. – Ой, вы, наверное, кушать хотите? – засуетилась она.

– Не беспокойся, – небрежно сказал Женька. – Что мы, бутерброды не сделаем?

И Феня осталась в саду.

– Так о чем ты хотел со мной поговорить? – спросил Базаров, когда они, позавтракав, уселись в беседке.

Павел Петрович ушел к себе, Феня побежала менять ребенку памперс, а Николай Петрович занялся теплицей. Зашел в нее и чего-то там продергивал, подвязывал…

– Дядя, кажется, знает, почему мы здесь, – вздохнул Аркадий.

– Знает?!

– Вчера вечером, когда я спустился вниз, он читал ту самую статью. Про дочку депутата Чернова.

– Как он мог узнать?! Откуда?!

– А если случайно услышал наш разговор? Мы с тобой вчера громко говорили.

– Тогда почему он еще не отреагировал?

– Надо знать дядю. Он никогда не рубит с плеча. Должно быть, наводит справки по своим каналам. Да, он ушел в отставку, но связи-то остались!

– Чем он сейчас занимается? – небрежно спросил Женька. – Откуда такие деньги?

– Консультантом в каком-то банке.

– Неплохо!

– Я обещал рассказать тебе его историю…

– Я весь внимание, – насмешливо сказал Женька.

– Так вот: я начну с деда. Ты ведь в курсе, что он был боевым генералом, прошел Афган? – Базаров кивнул. – А трагически погиб уже в Москве, ему и было-то всего пятьдесят два года. Мог бы еще жить и жить. Это случилось в августе девяносто первого. Был путч. ГКЧП, помнишь?

– Смутно.

– Попытка государственного переворота. Дед был упертым партийцем, бабушка тоже, она заведовала кафедрой марксизма-ленинизма в престижном вузе. Когда в стране началась перестройка, им это не понравилось. Они сочли Горбачева предателем. Дед встал на сторону путчистов. Чем все закончилось, ты знаешь. Их, я имею в виду, верхушку заговорщиков, отдали под суд. Дед не вынес позора. В общем, он застрелил мою бабушку, а потом застрелился сам. Двойное самоубийство, потому что оба написали предсмертные записки. Бабушка просто со всеми попрощалась, а он написал, что совершил роковую ошибку. Что не знает, куда дальше пойдет страна, и боится этого. Дядя Паша в то время уже окончил академию и работал с иностранцами. «Интердевочку» хотя бы помнишь?

– Смутно, – повторил Женька.

– Дядя работал с проститутками, которые обслуживали иностранцев. А там были такие девочки, закачаешься! Отбирали лучших.

– Твой дядя лично их дегустировал? – усмехнулся Базаров.

– Зря смеешься. Да, он их отбирал. Дегустировал или нет, не знаю. Скорее да. Женщин у него было как грязи. Но когда дед покончил с собой, дядю от работы с иностранцами отстранили. На какое-то время его карьера застопорилась. Но надо знать моего дядю… В общем, года через три он опять пошел в гору. Получил очередное звание, сначала капитана, потом майора. И тут он встретил ее…

– Женщину?

– Да. Она была женой олигарха. Но не модель, внешность, я бы сказал, заурядная, и не девочка уже, лет тридцати с небольшим. Они все нажили вместе, поженились еще студентами. Я имею в виду ее мужа-олигарха. Я видел ее фото. Далеко не красавица. Только что волосы роскошные – золотая коса ниже пояса. И глаза… Странные какие–то. Чуть раскосые, взгляд словно бы мимо тебя. Ее звали Нелли. Детей у них с мужем не было. Может быть, поэтому он ей изменял направо и налево. А она ему нет, до того, как встретила моего дядю.

– Я ее понимаю! – присвистнул Базаров. – Кто бы устоял?

– Короче, начался бурный роман. Дядя уговаривал Нелли бросить мужа и уйти к нему. Она вроде бы согласилась. Но ее муж словно почувствовал что-то и увез ее за границу. Дядя рванул было туда. Но тут вопрос встал ребром: либо любимая женщина, либо карьера. Хочешь полковничьи погоны – выполняй приказы и не занимайся самодеятельностью. А про вояжи за границу забудь, пока Родина туда не пошлет. В общем, дядю Пашу «закрыли». Он страшно переживал.

– Ставить все на кон ради бабы? – пожал плечами Женька. – А я думал, он мужик!

– Да, он мужик. Поэтому выбрал карьеру. Прошло какое-то время, и дядя узнал, что его Нелли умерла. Покончила с собой, выбросилась из окна пентхауса. Дядя было засомневался. Она, конечно, была со странностями, но не до такой степени. И она его любила. Она хотела вернуться в Россию, развестись с мужем. Если бы все это случилось здесь, на родине, дядя выяснил бы, что там произошло на самом деле. И наказал бы виновных. Но поскольку дело было за границей, он оказался бессилен. Во всем винил себя. Если бы он отказался от карьеры, любимая женщина осталась бы жива. А он смалодушничал. Дядя именно так считает. К карьере он остыл и через какое-то время вышел в отставку, так и не дослужившись до полковника.

– Когда она умерла, эта Нелли?

– Да лет пятнадцать назад. Точно не помню.

– Думаешь, муженек постарался? Детей нет, любовь прошла. А если они все нажили в законном браке, то при разводе надо делить имущество. Вот он ее и… Для того и за границу увез.

– Может быть. Но доказательств нет, понимаешь? Вот с тех пор дядя Паша и один.

– Зря, – пожал плечами Женька. – Все это слюни-сопли. Какая-то слезливая мелодрама. Из прошлого века. Я же говорю: паноптикум… А интересная у тебя, Аркаша, семья! У меня все серенько, провинция, одним словом. Родились, учились, женились. Детишек наплодили. Один вот здесь сидит, с генеральской родней чаи распивает. Мой-то папаша армейским доктором всю жизнь трудился, мотался по гарнизонам, пока не осел в одном из них. Это, кстати, не так далеко отсюда, в соседней области, – небрежно сказал Женька. – На хорошей машине за пару часов можно доехать.

– Ну так поехали! Небось родители по тебе соскучились? Сколько ты уже дома не был?

– Успеется, – лениво сказал Женька. – Чего там делать, в этой дыре? Она еще *дырее,* чем ваша дача. Здесь хотя бы туристы есть, летом жизнь кипит. А у нас что лето, что зима, сплошная серость и скука. Летом даже хуже. Все зарываются в грядки. Только и разговоров, что о тле и видах на урожай. Ты им о мировом кризисе, а они тебе в ответ: «Уродится ли нынче картошка?» А как увидят меня, так первый вопрос: «Ну, как там Пугачева с Галкиным?» А когда начинаю объяснять им, что мне это безразлично, смотрят как на дурака. Они думают, что Москва – это та же деревня, только большая. Если я про соседей ничего не знаю, выходит, вру, что в Москве живу.

– А как там в самом деле Пугачева с Галкиным? – озабоченно спросил Аркадий. – Надо же будет о чем-то с ними говорить, с твоими родителями!

– Необязательно, – зевнул Женька. – Они болтливые, как все провинциалы. Ты только делай озабоченное лицо и кивай: ага, ну как же? Знаю, знаю… И мама с папой будут счастливы. Потом мама выйдет на лавочку у подъезда и будет всем рассказывать, какой воспитанный и умный молодой человек Женин друг. Чтобы прослыть умным человеком в маленьком провинциальном городке, достаточно ни с кем не спорить и говорить «здравствуйте» тетушкам на лавочке. Они – это и есть общественное мнение. А если еще и спросишь: «Как ваше здоровье?» – так тебя и вовсе запишут в Эйнштейны. Хотя я сомневаюсь, что они в курсе, кто такой Эйнштейн.

– Какой ты, Женька, злой, – не удержался Аркадий.

– Я просто ненавижу свою родину. Не страну, в которой живу, а ту дыру, в которой, к несчастью своему, родился. Что ж так не повезло-то, а? У меня мозг Склифосовского, руки Пирогова, амбиции Черчилля, а восемьсот километров до Москвы я иду вот уже десять лет и еще не дошел, потому что понятия не имею, когда у меня там будет своя квартира? А теперь еще и в историю вляпался! Жениться, что ли, по расчету? Бабам я нравлюсь, хотя не могу понять почему? Подарков не дарю, комплименты говорить не умею, в инстаграм им не лайкаю.

– Женщины любят силу. Ну и чтобы в постели…

– Это да, это я могу… – Женька снова зевнул. – Мы здесь всего один день, а такое чувство, будто вечность. В город, что ли, смотаться? Ночные клубы там есть достойные?

– Не знаю, надо у дяди спросить.

– Я так понимаю, что твой дядя – здешняя звезда? – насмешливо спросил Женька. – Как же! Бывший сотрудник ФСБ, подполковник, а теперь банкир! На «крузаке» ездит, а племяннику с барского плеча за просто так «Инфинити» дарит!

– Не за просто так! Я универ окончил!

– Ну да, это, конечно, повод. А меня папаша по плечу похлопает, молодец, мол, сынок, вот и вся благодарность. Учиться, Аркаша, – это не подвиг, это долг, – серьезно сказал Женька. – Ну да вам, буржуям, этого не понять. Что делать-то сегодня будем? – Он резко сменил тему.

– Не знаю, надо бы отцу помочь.

– Грядки хочешь прополоть? – вскинул брови Женька. – А морковку от свеклы отличить сможешь? Тем паче от лебеды?

– Хватит прикалываться, Базаров, – миролюбиво сказал Аркаша. – Может, съездить куда-нибудь надо?

– Это дело, – сразу оживился Женька. – А то закиснем тут, глядишь, через денек-другой подлещиков пойдем удить, а там и о видах на урожай задумаемся. А и в самом деле: уродится нынче картошка или нет?

– Как ей уродиться, когда сельское хозяйство развалили? – подмигнул ему Аркаша и повел подбородком вправо: к ним от теплицы направлялся Николай Петрович.

– Погодка-то, а? – издалека начал он. – У нас этим летом, право дело, Сочи!

– В СочАх лягушки не квакают, – насмешливо сказал Женька. – И комаров нет.

– Так и у нас нет! Ну, почти нет. Откуда им взяться? Сосны, песок…

– Пап, дела есть какие? Я имею в виду в городе, – торопливо добавил Аркадий, который и в самом деле не отличил бы свеклу от лебеды, попроси его отец прополоть грядки.

– А как же! – оживился Николай Петрович. – Не в самом райцентре, а в пригороде. Дядя Мотя меня вот уже два года в гости зовет, а я все никак не выберусь. Неудобно, родня все-таки, хоть и дальняя. Он мне в свое время очень помог. Подсказал, к кому обратиться, чтобы наследство побыстрее оформить и чтобы берег разрешили приватизировать и застроить. Надо бы отблагодарить, – он пожевал губами. – Ты бы съездил к нему, сынок, посылочку отвез, да на словах бы передал: помнит, мол, папа, только занят очень. Ты Леночку помнишь, дочку его?

– Какую Леночку? – напрягся Аркадий.

– Беленькая такая, на два года моложе тебя. Вы, помнится, играли вместе.

– Нет, папа, не помню, – с сожалением сказал Кирсанов-младший.

– А вот она все время о тебе спрашивает. Я дяде Моте вчера позвонил, сказал, что сынок в гости едет. Он очень обрадовался: пусть и к нам как-нибудь заедет, Леночке все будет повеселее.

Аркаша, в планы которого не входило развлекать какую-то Леночку, вопросительно посмотрел на Базарова. Тот молча кивнул.

– Хорошо, папа, – с улыбкой сказал Аркадий. – Завтра и поедем. Чего тянуть?

– Вот и хорошо! – обрадовался Николай Петрович. – Пойду, скажу Фене, чтобы посылку собирала! Тесто бы поставила, пирожков домашних напекла. Надо бы ее заранее предупредить.

И он торопливо направился к дому.

– Чуешь, чем пахнет? – подмигнул Базаров Аркадию.

– Чем?

– Женить тебя задумали. Видать, этот дядя Мотя не простой мужик, раз с бумагами помог.

– Ну да. Замглавы районной администрации вроде бы. Дядя Паша говорит, он в мэры метит. Выборы скоро.

– Вот и решил пристроить дочку. Кирсановы – это имя!

– Так мы же родственники!

– Седьмая вода на киселе. Все правильно: деньги к деньгам. А связи к связям.

– Да ну! Чушь все это! Раз так – я не поеду!

– Поедешь, – ласково сказал Базаров. – Дядя скажет, так и женишься.

– Базаров, ты спятил! Сейчас не девятнадцатый век! И даже не двадцатый! Браки по расчету – это архаизм!

– Как раз таки очень актуально. Новая аристократия народилась. Круг замкнулся, Аркаша, дворянство опять передается по наследству. Кто у нас в Думе сидит? Дети депутатов. Кто при наборе в мед пользуется приоритетом? Дети врачей. Я уж не говорю о чиновниках. Дядя (который тоже в ФСБ не с улицы попал) ясно сказал, что хочет поскорее увидеть твоих детей. Ему надо определиться, кому отписать наследство. Приблудную девчонку он не потерпит. Я тебе советую не упрямиться. Ты, Аркаша, не боец.

– Но и жениться на ком попало я не собираюсь!

– Разумеется, у тебя будет выбор, – спокойно сказал Базаров. – Вот мы и едем на смотрины. Чем бы до вечера заняться? Да и сам вечер надо как-то скоротать. Может, баньку истопим? Баня да пиво. Попаримся, потом оттянемся.

– Баня в такую жару? – с сомнением спросил Аркадий.

– А мы из нее в озеро станем сигать! Надеюсь, твой дядя нас не осудит?

– Не думаю, что ему это понравится, но осудить? Вряд ли. Ладно, пойду у папы спрошу: как ее топить, баню-то?

– Слушай, дитя Интернета, а что будет, если вас, дураков, возьмут да и обесточат? Большой дядя рванет рубильник вниз, и всем вам крышка. Один идиот до того дошел, что, убив приятеля, задал в Инете запрос: куда спрятать труп? А ты пойди да и набей: как истопить баню?

– А что? Мысль! Как это я сразу не додумался?

– За тебя Инет думает. Скажи спасибо, что я рядом. Ты даже не можешь сообразить, что необязательно бежать к папе с каким-нибудь вопросом, раз у тебя есть новейший айфон. Вот кто тебе отец родной. Самое смешное, что он гораздо умнее твоего папы, этот айфон.

Аркаша не стал препираться с Базаровым, махнул рукой и пошел в дом. Теоретически он знал, как топить баню. Нужны дрова и спички. Но вроде бы там есть какая-то тонкость. Надо где-то чего-то открыть, чтобы не угореть. Но где открыть и что? Все это, разумеется, есть в Инете. Папа смеяться не будет, если сын обратится к нему с таким вопросом. А вот дядя…

Язык у дяди злой, а ум острый. Отец, само собой, не промолчит, и дядя всласть поиздевается над «дитем Интернета». Павел Петрович прохладно относится не только к Социальным сетям. При слове «инстаграм» отставной офицер морщится, словно от кислого. Не по вкусу ему и блютуз. Хотя новости в Инете читает! И с банком своим связывается по электронной почте. Вот все они так: живут прошлым, заранее проклиная будущее и активно юзая настоящее. Засели в нем, как гнилые зубы во рту, а стоит приблизиться стоматологу, давай орать: мы еще о-го-го, надо будет, проволоку перекусим! Не трогайте нас! Так Женька говорит, когда злой. И когда дядя начинает наезжать, сам Аркаша с лучшим другом поневоле соглашается.

V

На следующий день, к обеду, начали собираться в гости. То есть Женька с Аркадием собрались в пять минут, но Николай Петрович все суетился, собирал и разбирал посылку, зависая над ней, словно бы речь шла о жизни и смерти.

– Папа, хватит уже! – не выдержал Аркадий. – Давай сюда коробку! Что, у Матвея Ильича соленых грибов с помидорами нет?

– Так это же Фенины грибы! И Фенины помидоры! – завопил Николай Петрович. – Ты не представляешь себе, какие они вкусные! А вот это… – он оторвал прижатый к груди сверток и бережно передал его сыну. – Моя последняя книга. С автографом. Смотри, не залей ее чем-нибудь, пока везешь!

– Постараюсь, – коротко сказал Аркадий и полез в машину. Павел Петрович их провожать не вышел.

Положив сверток на колени Базарову, Аркадий вставил ключ в замок зажигания. Николай Петрович стоял в воротах и махал им рукой, пока они не завернули за угол.

– Что это? – Базаров взял в руки сверток.

– Папина книга. С автографом.

– Да ну? Тоже мне, ценность! – Женька небрежно швырнул сверток на заднее сиденье.

Аркаша молча пожал плечами. К творчеству отца он тоже относился скептически, но старался в разговорах эту тему не затрагивать. Все ж таки он тоже кое-что имел с этого творчества.

– А в коробке что? – спросил Базаров.

– Банки с соленьями, пирожки… Фенина кулинария, в общем.

– Мой тебе совет: забеги в лучший в городе магазин и купи бутылку хорошего коньяка. Или вискарь. Чтобы не пришлось краснеть. Мне, конечно, наплевать, это ты у нас – олицетворение московского гламура. И вдруг – с домашними пирожками!

– Сам знаю, – поморщился Аркадий. – Что поделать? Папа безвылазно живет в деревне. Он совсем отстал от жизни.

– Зато его фамилия всегда останется при нем. Он – Кирсанов! Прожуют и Фенины пирожки, не парься. Ты хотя бы помнишь, как выглядит эта Леночка?

– Не-а, – честно сказал Аркадий.

Когда въехали в город, Женька завертел головой по сторонам.

– Давно здесь не был… Узнаю знакомые места! – сказал он. – Вижу, что лучше здесь не стало. Да, магазины новые отгрохали, домишки строятся, но все равно – провинция. Люди какие-то… Некрасивые. Шика им не хватает. Столичного снисходительного безразличия. Глянь, как они на нас пялятся!

– Ну откуда здесь столичный шик? – лениво спросил Аркадий. – Не придирайся.

– «Винный бутик», – прочитал Женька вывеску одного из магазинов в центре. – Ого! Такого здесь раньше не было! Давай тормози. Продегустируем здешние сливки. Это ведь место, где пасутся сливки общества? Или я ошибаюсь?

– Я не был здесь столько же, сколько и ты, – пожал плечами Аркадий. – Но за коньяком заехать надо. Надеюсь, здесь знают, что такое «Хеннесси»? Хотя лично я предпочитаю «Meukow». Он как-то помягче будет.

– «Хеннесси» – это раскрученный бренд, – пожал плечами Женька. – Не хочешь же ты опозориться перед родственниками?

Они припарковались у винного магазина. Снаружи он остался таким же, как и полтора века назад – приземистый купеческий особняк с толстыми стенами и маленькими окнами, заново отреставрированный и оштукатуренный. Зато внутри веяло живительной прохладой

кондиционера и сверкали витрины в стиле модерн. Видимо, особняк облюбовали под винный бутик из-за его погребов. Хорошее вино требует особых условий хранения. Войдя, друзья стали присматриваться к стеклянным шкафам, в которых были заперты элитные напитки.

– Базар! Вот так встреча! – раздался вдруг жизнерадостный вопль.

Аркадий невольно вздрогнул и обернулся. Сзади стоял невысокий парень с каким-то прилизанным лицом. Глазки у парня были маленькие и бегающие, словно он только что засунул в карман какую-нибудь мелочовку с магазинной полки и теперь боялся, что его поймают с поличным. Одет он был в спортивные штаны с символикой «Адидаса», белые кроссовки, тоже «адидасовские», и почему-то в гламурную рубашку, далекую от спортивного стиля. От парня разило одеколоном. Аркадий невольно поморщился. Из-за одного только этого запаха парня развернул бы фейсконтроль любимого Аркашиного клуба. И не только его.

– Здравствуй, Сито, – скривился Базаров.

– Ты здесь откуда?! Давно приехал?! А это кто?! – Парень по кличке Сито бесцеремонно уставился на Кирсанова.

– Аркадий Кирсанов, мой друг. Это Ситников, мой бывший одноклассник, – сказал Аркадию Женька с напором на слово «бывший».

– Кирсанов?! – Лицо у Ситникова вытянулось. – А…

– Тот, – коротко сказал Базаров, который уже начал разбираться в местной иерархии. – Павел Петрович – его дядя.

– Здо`рово! – с уважением сказал Ситников. – А сюда что, по делам?

– Да, надо бы родственничка навестить, – небрежно сказал Аркадий, сразу уловив Женькин тон. – Калязина.

– Калязина?! – Ситников только что во фрунт не вытянулся. Все знали о шансах Матвея Ильича стать новым мэром.

– Ну а ты здесь по папиным делам? – усмехнулся Женька. – Еще один кабак открываете? Приехал дать мастер-класс, как правильно пиво водой разбавлять?

– Не, – угодливо хихикнул Ситников. – Я к бабе приехал. Есть тут одна… Кукшина. Вообще-то ее Дуськой зовут, но она хочет, чтобы звали Евой. Продвинутая герла. Мы с ней по Инету познакомились. У ее родителей на озере дача. Предки Кукшины сейчас за бугор укатили, Дуська дома одна. Вот я и забежал за шампусиком. Слушайте, мужики, а поехали со мной, а? Дуська обрадуется, чес слово! Бухнем, за жизнь поговорим.

– У нас времени нет, – отмахнулся было Аркадий.

– Если только на часок, – неожиданно сказал Женька.

– На часок, на часок! – обрадовался Ситников, который горел желанием свести дружбу с племянником Павла Петровича Кирсанова и родственником будущего мэра. Такими связями не бросаются. Ситников прекрасно знал особенности папиного бизнеса, с которого и сам кормился. – Я сейчас шампусика побольше возьму! – с энтузиазмом сказал он. – А нам, мужикам, чего покрепче.

– Ну, возьми, – снисходительно сказал Базаров. – Да не жадись, Сито. Говно-то не бери.

Аркадий со вздохом расплатился за литровую бутылку «Хеннесси». Еще какая-то Дуся Кукшина. Мало им одной Леночки? Эдак скоро они с Женькой перезнакомятся со всеми скучающими девицами из семей местной элиты. Неужели Базаров не шутил, когда сказал, что хочет жениться по расчету? Но спорить с другом Аркадий не стал. Женька, как никто другой, умеет позабавиться. Базаров – это сплошное развлечение. А Ситникову, похоже, уготована роль коверного.

«Это жестоко, – думал Аркадий, косясь на парня с маленькими бегающими глазками. – Но остановить Базарова – это все равно что попытаться остановить каток. Он хоть и едет по бездорожью, но за ним остается только ровный асфальт, таких, как Сито, Женька укатает, даже не напрягаясь».

– Моя тачка, – с гордостью сказал Ситников, с показной небрежностью поигрывая брелоком с висящими на нем ключами. Их он не убирал в карман все то время, пока был в магазине. Аркадий невольно улыбнулся. Чем меньше человечек, тем больше у него понтов. Только дураки и плебеи выставляют напоказ достаток, в котором живут. И все время глазеют по сторонам: ну, как я вам? – Хороша ласточка, да? – Ситников пикнул сигнализацией и приоткрыл дверцу новенькой «Хонды Цивик».

– Ничего. Женька, что ты стоишь? Садись. – И Аркадий полез за руль своего «Инфинити».

У Ситникова вытянулось лицо. Он сразу засуетился и на всю улицу заорал:

– Я вам дорогу буду показывать! Здесь недалеко!

– Зачем ты решил с ним поехать? – спросил Аркадий, глядя на маячивший впереди «Цивик».

– А тебе никогда не хотелось узнать, как живут твои бывшие одноклассники? Работает ли еще занудливая химичка, за кого вышла замуж первая школьная красавица? Считай, что из любопытства.

– Все это и в «Одноклассниках» можно узнать, – пожал плечами Аркадий.

– Ты хочешь сказать, что торчишь в «Одноклассниках»? – вскинул брови Женька. – Фу, Кирсанов! Оттуда давно уже все свалили. Все, кто хотел трахнуть свою первую любовь, либо трахнули ее, либо убедились в том, что она дура набитая и послали ее на… А другой причины тусоваться на «Одноклассниках» я не вижу. Если только ты не баба.

– Свою первую любовь я трахнул еще в школе, – спокойно сказал Аркадий.

– Я тоже, – закрыл тему Женька.

– А этот, похоже, нет, – сказал Кирсанов, когда ехавший впереди «Цивик» замигал стопарями. Они свернули на одну из улочек типичного дачного поселка.

– Да кто ж ему даст?

– Это мы сейчас увидим, – хмыкнул Женька. – Что за бабу Сито склеил? Да еще по Инету!

Дома стояли почти вплотную друг к другу. Тот, у которого они остановились, ничем таким особенным не отличался. Ворота открыла девица в шортах и кислотного цвета майке, ярко-розовой. На голове у девицы торчали перья выбеленных волос, ноги были тощие и кривые. Базаров сморщился.

– Я, конечно, не ожидал увидеть фотомодель, но это что-то с чем-то, – сказал он Аркадию. – Одно слово: страшненькая.

Тот кивнул, разглядывая маленькую невзрачную фигурку поджидающей своего Адама Евы. Та удивленно таращилась на «Инфинити».

– Это мои друзья, – с гордостью сказал Ситников, указывая на вылезающих из машины Базарова и Кирсанова. – С Женькой я учился в одном классе, а Аркадий – племянник Павла Петровича Кирсанова. И родственник Калязина. Того самого, – многозначительно добавил он.

– Круто, – мяукнула девица и одернула кислотную майку. Голос у Дуси-Евы был на редкость противный. Поэтому Базаров сразу сказал:

– Шампанского! – и шепнул на ухо Аркадию: – Хотя я столько не выпью.

– Сфоткай нас! – Дуся протянула Ситникову айфон, с которым, похоже, не расставалась даже во сне, и встала рядом с «Инфинити». – Круто! – повторила она, пока Ситников нервно давил на панель и хихикал.

Пока они шли в дом, Дуся не отклеивалась от дисплея своего айфона.

– Уже сто лайков! – удовлетворенно сказала она, ступив на веранду. И в третий раз повторила: – Круто!

Потом она велела Ситникову сфоткать их сначала втроем, а потом вдвоем с Кирсановым на веранде, за столом в обнимку, у лестницы, ведущей на второй этаж, на лестнице…

– Может, хватит? – не выдержал Базаров. – Мадемуазель, а не хотите ли вы дать нам пожрать? По-моему, за такую фотосессию мы достойны кормежки.

– Викто́р, че ты встал? – лениво сказала Дуся. – Тащи из холодильника жрачку.

И снова уткнулась в айфон. Аркадий уже понял, что оторвать девицу от окна в ее мир равносильно быть убитым на поле боя. Такой тип женщин был Кирсанову хорошо знаком. Без вай-фая они впадали в кому. Им постоянно надо было ощущать себя в гуще событий, они могли часами обсуждать по мобильнику какую-нибудь ерунду типа цвета туфель, которые собирались купить, или прыща на носу. Поскольку прыщей у Дуси было много, как и подруг, она не могла прервать общение с ними ни на секунду. Видимо, с точки зрения Ситникова, это и называлось «продвинутая герла».

Аркадий пил мало, поскольку был за рулем. Базаров же хоть и не сдерживал себя, но почти не пьянел. Зато Ситников так накидался на радостях от встречи, что полез обниматься. Базаров брезгливо отстранился. Аркадий заметил, что Витька Ситников обиделся.

– Вот скажи, Базар, за что ты меня презираешь? – со слезой в голосе допытывался он у Женьки. – Нет, я знаю! Ты меня презираешь! – Он стукнул кулаком по столу так, что звякнули стаканы, из которых они пили вискарь.

– Да, – спокойно сказал Женька. – Я тебя презираю.

– За то, что меня от армии отмазали? Или потому что мой отец пивом в розлив торгует? Нет, ты скажи! Скажи!

– Я тебя презираю, потому что ты гомо примитивус. Ты стоишь на самой низшей ступени человеческого развития. И вообще развития. Ниже тебя только амебы.

– И за то, что ты носишь на людях спортивные штаны, – встрял в разговор Аркадий, которого слегка повело от шампанского. Виски он решил не пить, поскольку собирался в гости к Калязиным.

– Не понял? – уставился на него Ситников.

– Это одежда для спортзала, – пояснил Кирсанов. – Ну, в крайнем случае для дома. Когда никто тебя не видит и ты не ждешь гостей.

– Не, не согласен, – замотал головой Ситников. – У нас все так ходят.

– Базаров, ты прав, – презрительно сказал Аркадий. – Это амеба.

– Признаю: вы крутые. Но в родном городе меня, между прочим, уважают! – Ситников хватил еще полстакана виски. После чего ударился в воспоминания: – Крутые мужики говорят: за базар отвечаю. А у нас в школе говорили: Базар за все отвечает. Сказал он классу: валим с литературы, все встали и свалили. И чего бы думал, у него было по литре? – подмигнул он Аркадию. – Пять! Это ж уметь надо!

– Я в кабинете литературы окна покрасил, – лениво сказал Женька. – И подоконники. А пока красил, мы с училкой нашли общий язык.

– Верю! – рассмеялся Аркадий.

– Теперь мне все обзавидуются! – взвизгнула Дуся, тыча в них айфоном. – Тут такое началось!

– Предложи ты ей трахнуться, она и то не будет в таком диком восторге, – сказал Аркадию Женька. – Разве что ты разрешишь ей выложить ролик на ютубе.

– Я не трахаюсь для ютуба, – пожал плечами Аркадий. – Такая минута славы – дешевка.

– Хоть чему-то я тебя научил, московский мальчик из хорошей семьи! – обрадовался Женька. – Ты научился отличать дешевку от Форт Нокса, где лежит золотой запас Америки. Твой Форт Нокс – это твоя семья. А дядя не пережил бы, увидев тебя на ютубе без трусов. Даже учитывая размеры твоего мужского достоинства. Кстати, а как там у ПП? Это у вас фамильное?

– У ПП с этим – полный порядок… А тебе не кажется, что нам пора? Твой приятель так накидался, что начнет сейчас орать частушки.

– Ах да! У нас же еще Леночка в программе! Неужели все богатые невесты такие дуры? – Женька кивнул на Дусю. – Тогда, пожалуй, и мне такая минута славы не нужна. Один черт через месяц побежишь разводиться.

В этот момент, как и предсказывал Аркадий, Ситников во всю дурь заорал:

Как на Киевском вокзале Два бомжа маячили. Маячили, маячили, Сберкассу о…ли!

– Все, валим! – Женька встал. – Политика пошла. Пророческая вещь оказалась. Где у нас нынче проблемы? Разумеется, на киевском направлении! А ведь эту частушку еще наши прадеды пели. Только в контексте не бомжы, а попы.

– Ты-то откуда знаешь? – подозрительно посмотрел на него Аркадий.

– Нешто мы не деревенские? – дурашливо сказал Женька. – Меня в детстве к бабке возили, на парное молоко и свежий воздух. Я весь деревенский фольклор выучил раньше, чем азбуку. Мать потом в садике за меня краснела. Когда я выдал Деду Морозу:

Хорошо в деревне летом, Пристает г… к штиблетам. Выйдешь в поле, сядешь ср…ь, Далеко тебя видать.

– А мое детство было совсем другим, – задумчиво сказал Аркадий.

– Ты Дедушке Морозу небось Пушкина читал? Ну, извини.

– Ты как? В порядке? – спросил Аркадий, когда они вышли на улицу.

– Хочешь узнать, не пьян ли я? Пять секунд…

Женька подошел к висящему у сарая рукомойнику и принялся поливать голову водой, с силой давя на штырек. Казалось, рукомойник сейчас рухнет на землю. Когда в нем не осталось ни капли воды, Женька схватил висящее тут же серое от пыли полотенце и вытер им лицо.

– Причешись, – тихо сказал Аркадий, протягивая ему расческу.

– Только ради Леночки.

Базаров неторопливо привел себя в порядок и сказал:

– Все, поехали.

– Приезжайте еще! – шатаясь, сказал вышедший на крыльцо Ситников. Вниз он не спустился, боясь, что упадет со ступенек.

Стоящая за его плечом Дуся торопливо давила обкусанным ногтем на панель айфона.

VI

Едва они отъехали от дома, у Аркадия зазвонил телефон.

– Да, папа, – коротко вздохнул он, ответив на вызов. – Что значит, где мы шатаемся? Мы едем! Тут про… – он хотел, было выдать типичную московскую отмазку «тут пробки», но Женька толкнул его в бок и покрутил пальцем у виска: ты что, идиот? – Продуктовый магазин хороший, – выкрутился Аркадий. – Вот мы и зависли. Да, подъезжаем. Ну, почти.

Он положил телефон в карман рубашки и взамен достал оттуда пачку жевательной резинки. Закинув в рот две подушечки, протянул ее Женьке. Тот молча засунул жвачку в рот.

– Достал, – пожаловался Аркадий. – Пять пропущенных вызовов! Словно я маленький!

– Переживает паноптикум, – усмехнулся Женька. – Небось невеста уже заждалась? – Он подмигнул Аркадию.

– Я тебя прошу, Базаров: веди себя прилично, – сказал тот.

– То есть посуду не бить, девок за титьки не щипать?

– Я знаю: ты можешь, когда хочешь.

– А что мне за это будет?

– По возвращении домой я исполню любое твое желание.

– Домой – это домой? В смысле, в Москву? Долго ждать, – зевнул Женька.

– Домой – это на дачу.

– Тогда ладно. Уговорил.

– Кажись, приехали. Если память мне не изменяет, это и есть загородный дом Матвея Ильича Калязина. – Аркадий притормозил.

– Даже если бы память тебе изменила, мы бы все равно не ошиблись адресом. Мимо этого дома проехать сложно.

Женька скептически оглядел здоровенный кирпичный особняк, крыша которого возвышалась над глухим, почти в два человеческих роста забором.

– Любит народ наша власть, сразу видно, – вздохнул Базаров. – Переживает: как бы простые смертные не увидели трудовую бедность народных слуг.

– Хватит острить, – нахмурился Аркадий. – Или я подумаю, что ты не умеешь пить.

– Кто? Я? Это мы еще посмотрим, кто не умеет!

Аркадий вылез из машины и направился к узкой калитке, возле которой висел домофон.

– Аркадий Кирсанов, – сказал он в динамик, и створки глухих железных ворот тут же поехали в стороны.

Аркадий уселся обратно за руль, и «Инфинити» торжественно въехал на участок. Он оказался довольно большим, к дому вела аллея из аккуратно подстриженных туй. Лето выдалось жарким, поэтому некоторые засыхали. Будто по аллее прошелся хулиганистый пацан с коробкой спичек, зажигая их и тыкая наугад в густую зелень.

Матвей Ильич встречал их лично. Выкатился на крыльцо и расплылся в широкой улыбке. Ни дать ни взять, владелец пивнушки, к которому пришли любимые клиенты. Вид у Калязина был, прямо скажем, непрезентабельный.

– Сразу видно, что родственники вы дальние, – пробормотал в спину Аркадию Базаров. – Надеюсь, Леночка не в папку пошла.

– Заткнись, – сказал Аркадий еле слышно, не оборачиваясь.

– Ну, вот и гости дорогие! Ай, Аркаша, как вырос! Да возмужал! Дай-ка я тебе обниму! – пропел Матвей Ильич и раскрыл Кирсанову-младшему свои объятия. – А друг твой чем занимается? – спросил он, отстранившись. Взгляд у будущего мэра стал суровым. Белесые брови сошлись домиком: нуте-с, нуте-с? И кто к нам пришел?

– Евгений Базаров будущий нейрохирург, – представил Аркадий. – Его взял к себе в интернатуру известный профессор, светило медицинской науки. Евгений очень талантлив, Матвей Ильич.

– Это дело, – одобрительно сказал Калязин. – Милости прошу в дом. Жена с дочкой заждались. И стол уже накрыт.

– Я только коробку из машины возьму. Папины подарки, – задержался было на крыльце Аркадий.

– Не суетись, – величественно придержал его за плечо Калязин. И крикнул: – Вася! Коробку из машины прими!

Откуда-то появился Вася, судя по комплекции, то ли телохранитель, то ли вышибала.

– Там еще сверток на заднем сиденье. С папиной книгой, – сказал Аркадий. Коньяк он предварительно положил в посылку.

– И книжку захвати, – велел Васе Матвей Ильич. – Ну, к столу, – он слегка подтолкнул Аркадия в спину.

– «Нейро»-то зачем? – еле слышно спросил у того Женька.

– Не лезь. Я знаю, что делаю.

Женщины Калязины сидели на диванчике, на просторной и светлой веранде. При виде гостей мать и дочь дружно вскочили. Младшая засмущалась. Если Дуся Кукшина была страшненькая, то Леночка Калязина просто никакая. Не худая и не толстая, лицо без косметики, блеклое и простенькое, светлые волосы собраны в хвост, руки очень белые, с аккуратным, неброским маникюром. Сразу было видно, что Леночка не стоит у плиты и посуду не моет. Еще по ее виду смело можно было сказать, что она круглая отличница. Хорошая, послушная девочка, которая честно отрабатывает фамилию Калязина. Отрабатывает в институте и в разных кружках, все остальное за нее делает прислуга. Леночке можно было дать лет семнадцать, хотя на самом деле на днях исполнялся двадцать один год.

– Вот, Леночка, узнаешь? – Матвей Ильич по-родственному хлопнул Аркадия по плечу. – А ведь когда-то играли вместе!

Леночка во все глаза смотрела на Кирсанова. У себя в провинции она привыкла совсем к другим мужчинам. Аркадий был не то что на голову выше, он словно сошел со страниц глянцевого журнала, который Леночка тайком держала у себя под подушкой. И то сказать, почти все свои вещи Аркадий покупал за границей, сам он давно уже перестал замечать, что одет не так, как другие, но другие-то сразу это замечали!

– Боже! Как похож на дядю! – с чувством сказала жена Калязина.

– Вот что значит порода! – подхватил тот. – Павел Петрович известный сердцеед! Мечта всех наших барышень, ну и дам, само собой.

– Он тоже мечта, – с улыбкой сказал Базаров, тронув Аркадия за плечо.

– Ах да! Это мой друг, Евгений Базаров, – спохватился тот. – Будущий нейрохирург.

– Ну, за стол! – Матвей Ильич плотоядно потер руки. – Что будем пить, молодые люди?

– Я за рулем, – с улыбкой сказал Аркадий, присаживаясь за стол. Базаров сел рядом.

– Ты к кому в гости приехал? – слегка обиделся Калязин. – Нешто ты думаешь, что в моем районе тебя кто-нибудь остановит, чтобы документы проверить? Номера твоей машины давно уже разосланы по всем постам. Нет, ты меру, конечно, знай, не бузи, но езжай повсюду спокойно. Главное, чтобы ровно.

– Тогда я бы выпил коньячку. Чуть-чуть. Там, в посылке была бутылка «Хеннесси»…

– Что мы, «Хеннесси» не видали? У нас так сказать, весь ассортимент.

– Это подарок от папы. Он вам очень благодарен, Матвей Ильич. Там еще Фенины пирожки и соленья.

– А книги? – жадно спросила Леночка. – Дядя Коля ведь у нас писатель!

– Как он мог не прислать вам свою новинку? – Аркадий взял в руки нож и принялся делать себе бутерброд с икрой.

Леночка смотрела во все глаза, хотя ничего такого особенного Аркадий не делал. Но надо было видеть, как он держал в руках нож и кусок хлеба! С таким изяществом ел только один из знакомых семейства Калязиных: ПП, он же Павел Петрович Кирсанов. Хотя тот и не баловал их своими визитами, но зато каждый из них настолько запоминался, что его обсуждали еще с год. Теперь за столом сидела двадцатитрехлетняя копия ПП. Те же белокурые волосы, породистый нос и высокий лоб, такие же большие красивые глаза, взгляд глубокий и загадочный. У ПП он был таким из-за перенесенных страданий, глаза же Аркадия просто были темными, и глубину его взгляду придавал необычный цвет радужной оболочки, карий, со сгустками черного. Словно в куске темного янтаря запеклась кровь.

Евгений Базаров с улыбкой наблюдал за Леночкой. На него она почти не обращала внимания.

– А позвольте я вам, Елена Матвеевна, рыбки положу? – неожиданно сказал он и потянулся к блюду с рыбным ассорти. – Вам семужки или осетринки?

– Пожалуйста, белой рыбы. – Леночка встретилась с ним взглядом и засмущалась. Базаров же не собирался отпускать ее глаза, в которые смотрел, не отрываясь. – Вы учитесь? Или уже работаете?

– Я… – Леночка нервно сглотнула. – Учусь. Перешла на пятый курс.

– И на кого учитесь, позвольте спросить?

– Леночка учится в инязе, – бодро ответила за нее мать. Такая же блеклая женщина, но уже довольно располневшая.

– Замечательно! – с чувством сказал Базаров и положил себе в тарелку три куска осетрины. Аркадий так и не понял, к кому это относится, к Леночке или к осетрине? Она, то есть осетрина, право слово, была хороша, нежная, бело-розовая, с желтым кружком посередине, вокруг хряща.

– А как там Пугачева с Галкиным? – спросила Калязина, наваливая себе в тарелку оливье.

Аркадий чуть не поперхнулся бутербродом с икрой. «Женька, держись!» – взглядом сказал он.

– Нормально, – спокойно ответил Базаров. Должно быть, ради осетрины.

– А говорят, они разводятся!

– Это всегда говорят, – с достоинством ответил Женька. – Верьте мне, дамы, они недавно помирились после того, как серьезно поссорились.

– Я так и думала, – удовлетворенно сказала Калязина.

Аркадий еле сдерживал смех. Он знал, как далек Женька от шоу-бизнеса. А тут, того и гляди, прослывет экспертом.

– Вы куда этим летом поедете отдыхать? – перехватила инициативу Леночка. Видно было, что к столичным сплетням она относится с легким презрением. Это же все в Инете можно прочитать!

– В Крым, – сказал Женька, наступив под столом на ногу Аркадию. «Про Ибицу забудь, – взглядом сказал Базаров. – Вспомни, к кому приехал».

– И мы в Крым! – сразу оживился Калязин. – Приятно наблюдать в молодых людях такой патриотизм!

– Так, может, мы вместе поедем? – спросила его жена.

– Аркадий очень соскучился по родственникам, он мне сам в этом признался, – насмешливо сказал Женька. – Так что: а почему бы нет?

«Базаров – ты гад! – бросил в него ненавидящий взгляд Аркадий. – Ну, погоди! Я тебе отомщу!»

– А о чем новая книга вашего папы? – наконец решилась обратиться к нему с вопросом Леночка.

«Что, попал?» – насмешливо посмотрел на Аркадия Женька.

– Ну… это детектив… – промямлил Кирсанов. – О… о сложностях семейных взаимоотношений, – он умоляюще посмотрел на Базарова: «Женька, выручай!»

– О да! – глубокомысленно изрек тот. – Николай Петрович такой же известный душевед, как его брат сердцеед. – Каким-то чудом Базарову удалось удержаться от иронии, хотя в его зеленоватых глазах черти плясали. – В тонкостях человеческой психологии отец моего лучшего друга разбирается прекрасно. Эта книга о… – «Я больше не могу», – взглядом сказал он Аркадию.

– …о том, как трудно одинокому сердцу в этом большом холодном мире, – подхватил тот. – Всю жизнь человек ищет свою вторую половинку. Ищет, ищет…

– …и не находит, – закончил мысль Базаров.

– Неужели там все кончилось так плохо? – испугалась Калязина.

– О нет! – Аркадий воткнул нож в кусок куриного рулета. – Мой папа масскульт, а у него свои законы. Концы не могут быть плохими!

«Чего несешь? – уставился на него Женька. – Какие концы? Это у тебя конец, а у романа финал!»

– Мы просто не хотим раскрывать всех тайн, – поспешил на выручку он. – А то читать будет неинтересно.

– Как приятно встретить молодых людей, которые так замечательно разбираются в литературе! – с энтузиазмом сказала Калязина. – А то говорят: молодежь ничего не читает.

– А мы продвинутая молодежь, – невозмутимо сказал Женька, окидывая плотоядным взглядом щедро накрытый стол: а все ли я попробовал?

– Мила, неси студень! – закричала Калязина, словно призывая дождик в иссушенные солнцем поля.

На веранде тут же появилась дородная рябая женщина с судком. Видимо, стояла наготове.

– Мама! – вскинулась Леночка. – Может, москвичи студень не едят?

– Мы все едим, – торжественно сказал Женька. – Хотя фуа-гра с устрицами, конечно, более привычная для нас еда.

– Устрицы! Фу! – сморщила Леночка носик. – Они же живые, когда их ешь! Я только один раз попробовала, и… Фу! – повторила она.

– Это, Елена Матвеевна, сила привычки, – притворно вздохнул Базаров, который в жизни не ел устриц. – Вот поживешь в Москве лет эдак пять и научишься глотать все живое. Телятинку парную, кабанятинку, лосятинку…

– Фу! – замахала на него руками Леночка.

– Это называется карпаччо, – с улыбкой сказал Аркадий. – Не путать с гаспаччо.

– И человечинку, – не удержался-таки Женька. – Люди – это и есть любимая еда москвичей. Эх, сколько же их надо слопать, чтобы отвоевать себе местечко под солнцем! Это я пошутил, – пояснил он. – А гаспаччо – холодный суп из свежих томатов.

– Я знаю, что такое гаспаччо, – с обидой сказала Леночка. – Что я, темная?

– Я бы и от окрошки не отказался, – пожал плечами Аркадий. – Неважно, что ты ешь, важно как ты ешь.

Светский разговор уже начал его утомлять. «Как бы нам свинтить?» – взглядом спросил он у Женьки.

– Еще ж горячее, – вздохнул тот. – Это я в смысле, что надо бы оставить местечко и для него. Замечательно вы готовите! – Он осекся, сообразив, что вряд ли у плиты стоял кто-нибудь из дам Калязиных.

– Главное – это не уметь готовить, а уметь подбирать кадры. – Матвей Ильич оторвался наконец от своей тарелки. – Уф… – выдохнул он. По животу Калязина сразу было видно любителя покушать. – Это еще что! В субботу у Леночки день рождения. Будут только свои: родственники и ее подружки. Дата некруглая. Вот в прошлом году погуляли так погуляли! Павла Петровича я уже с год зазываю, да он все не едет. Понятно: дела. Человек уважаемый, занятой. Ну а вы, молодые люди, меня сильно обидите, коли не уважите. И Елена обидится. Ей тут и поговорить-то не с кем. Одна шелупонь, – презрительно сказал он. – Не то что в литературе, а ни в чем не разбираются. Вот вы говорите устрицы… А что устрицы? Нет, ежели вы хотите, выпишем и устриц. Но шашлычок-то, а? Да под ледяную водочку… Само собой: останетесь ночевать.

– Хорошо, – обреченно сказал Аркадий. – Но сегодня, Матвей Ильич, извините, нам уже пора.

– Пора? Как пора? – ахнули мать и дочь в один голос. – А десерт?

– Мужчины сладкого не едят, – улыбнулся Аркадий и, отложив салфетку, поднялся.

– Мы ж вам еще участок не показали!

– А вот это вы сделаете, когда мы приедем на шашлыки.

– И то, – одобрительно сказал Матвей Ильич. – Не все сразу. Так в субботу часикам к трем я вас жду. Да, где там книжка-то? Мила!

На веранду влетела Мила со свертком в руке.

– Вот, – с придыханием сказала она, протягивая его Калязину. Тот взял книгу и тут же передал жене: – Разверни.

– С автографом! – восторженно сказала Леночка, прижимая книгу к груди.

Аркадий подумал, что отец был бы счастлив.

– Да-а… – сказал он, когда за машиной закрылись тяжелые ворота. – Паноптикум…

– Чуешь? На пятый курс перешла! Еще год – и с дипломом. Девушка созрела. Замуж пора. Скажи, что я не прав? Не для того тебя сюда зазывали?

– На этой точно не женюсь. Если тебе она понравилась – уступаю. Под ногами путаться не буду, клянусь.

– Испугал, – насмешливо сказал Женька. – Знаешь, Аркаша, я давно уже мечтаю, чтобы мы с тобой врезались в одну и ту же бабу. Чтобы маленько сбить с тебя спесь.

– Думаешь, она предпочтет мне тебя? – усмехнулся Аркадий. – Да, женщины любят силу, но еще больше они любят деньги. И мне бы очень не хотелось, чтобы мы с тобой влюбились в одну и ту же женщину. Ты не умеешь проигрывать, Базаров. Это тебе не наперегонки плыть. Так что хорошенько подумай, прежде чем заключать со мной пари на женщину.

– Думаешь? Что ж, я вовсе не считаю себя пупом земли.

Они надолго замолчали. Этот июньский день, казалось, и не собирался заканчиваться. Лето цвело, как подсолнуховое поле. Ночь была перед ним бессильна. И она уступила, сгорела дотла, так что в ее положенные часы над землей витал один лишь серый пепел.

VII

Дома их встретил взволнованный Николай Петрович.

– Ну как? – накинулся он на Аркадия.

– Все передал, папа. И книжку. Они очень обрадовались.

– Да я не о том. Как тебе Леночка?

– Ты это серьезно? Папа, мне только двадцать три года! Я до тридцати вообще не собираюсь жениться!

– А куда ты денешься? – раздался в гостиной насмешливый голос Павла Петровича.

Он вышел из своей комнаты к ужину, как всегда, безупречно одетый и до блеска выбритый, благоухающий дорогим одеколоном. Аркадий благоразумно промолчал. Он знал, что с дядей лучше не спорить.

– Нас в субботу на именины пригласили, – сказал за друга Базаров. – У Леночки Калязиной очко. Двадцать один год, кто не понял.

– А… – безразлично сказал ПП. – Надеюсь, меня там не ждут?

Он сел за стол и аккуратно разложил на коленях салфетку. Типа, вы, молодые люди, из гостей, вас не приглашаю, но сам поесть не откажусь.

– Тебя, дядя, всегда ждут, – улыбнулся Аркадий. – Но ты почему-то к ним не едешь.

– Калязин мне не нравится, – нахмурился ПП, наливая в бокал вино. – Если он будет продолжать в том же духе, то быстро спалится.

– Что продолжать?

– Молодой человек, вам знакомо слово коррупция? – насмешливо спросил Павел Петрович. – Или вы далеки от этого?

– Очень далек, – невозмутимо сказал Базаров. – Не мешайте человеку развлекаться, не грузите его проблемами.

– Мне ваши Калязины индифферентны, – пожал плечами Аркадий.

– Какой слог! – вскинул брови Кирсанов. – Но на день рождения поедешь. Надо соблюдать политес.

– Какой слог! – не удержался Женька. – Гены, мать их.

ПП метнул на него ненавидящий взгляд, мол, куда ты лезешь, но промолчал. Выдержка у ПП была железная. Аркадий давно понял, что дядя просто ждет своего часа.

– Раз мы обо всем договорились, налью-ка я себе водочки! – обрадовался Николай Петрович и потянулся к графинчику с беленькой. Старший брат посмотрел на него неодобрительно, но ничего не сказал.

…В субботу друзья опять собрались в гости к Калязиным, даже не подозревая о том, что именно этот день и станет точкой отсчета последующих роковых событий. А все, что было до сих пор, всего лишь прелюдия.

– Интересно, у Леночки есть смазливые подружки? – задумчиво спросил Базаров. – Или здешние чиксы все как одна страшненькие?

Аркадий молча пожал плечами: я-то откуда знаю? Я сам здесь впервой. На участке Калязиных сегодня был самый настоящий парад машин. Леночкины подружки все как одна оказались девушками состоятельными. Аркадий с некоторой гордостью поставил в модельный ряд свой «Инфинити».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.